№ V
2 10

Dpl.
4080

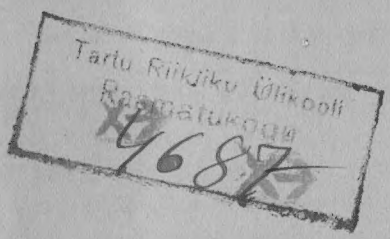
606-83

Ø-10

М. Дьяконовъ.

БОБЫЛИ

въ XVI и XVII вѣкахъ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева и К°, Фонтанка 95.
1896.

5 Gm ФБ
353

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, апрѣль 1896 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького
М Г У
606-6-73 пр. 93

Памятники XVI вѣка въ составѣ низшихъ разрядовъ населенія въ Московскомъ государствѣ начинаютъ упоминать *бобылей*. Терминъ этотъ, довольно рѣдко встрѣчающійся въ первой половинѣ вѣка, пестритъ собою во второй его половинѣ страницы писцовыхъ книгъ и сотныхъ выписей. Естественно, что на бобылей уже давно обращено вниманіе историковъ, которые пытались отмѣтить характерныя отличія этого класса населенія.

Изъ предложенныхъ объясненій наиболѣе удачнымъ оказалось, повидимому, объясненіе Бѣляева, если судить по тому, что оно повторяется почти всѣми позднѣйшими писателями.

Основываясь на уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря 1548 года, по которой установленъ сборъ въ пользу прикащика съ крестьянъ *по четыре* деньги, а съ бобылей, „кои живутъ о себѣ дворцами", *по двѣ деньги*,—Бѣляевъ пришелъ къ выводу, что „бобылемъ назывался тотъ, кто сидѣлъ на половинномъ тяглѣ". „Это указаніе, по мнѣнію Бѣляева, не случайное; оно подтверждается Бѣлевскою писцовою книгою XVII вѣка, гдѣ бобыли постоянно писаны на половинномъ крестьянскомъ тяглѣ, то-есть на половинной крестьянской выти земли и поэтому на половинномъ платежѣ податей и отправленіи повинностей. Они даже иногда прямо назывались *полувытчиками*" [1]).

---

[1]) Крестьяне на Руси, изд. 2, стр. 75—76 и примѣчаніе; ср. *его-же*, Лекціи по исторіи законодательства, 496. Это мнѣніе приняли: *П. А. Соколовскій*, Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи, 13—14; *Г. Ф. Блюменфельдъ*, О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи, 244; *Н. Д. Чечулинъ*, Города Московскаго госуд. въ XVI вѣкѣ, 323; *А. С. Лаппо-Данилевскій*, Организація прямаго обложенія, 102—103; *Д. И. Иловайскій*, Исторія Россіи т. III, 423; *И. И. Лаппо*,

Въ настоящее время не трудно угадать, почему въ Бѣлевской писцовой книгѣ бобыли „постоянно писаны на половинномъ крестьянскомъ тяглѣ". Эта книга составлена вслѣдъ за указами 1630—1631 годовъ о живущихъ четвертяхъ и отражаетъ содержаніе этихъ указовъ. Въ послѣднихъ же при опредѣленіи числа крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ на живущую четверть было установлено, что если „гдѣ за помѣщики и за вотчинники живутъ торговые и мастеровые люди и бѣлопашцы и ихъ класти въ живущую пашню съ бобыльскими дворы ровно, а гдѣ крестьянскихъ дворовъ не достанетъ, тутъ *положить за одинъ дворъ крестьянской по два двора бобыльскихъ*" [1]).

Точный смыслъ приведенной цитаты прежде всего позволяетъ исправить неточное выраженіе въ характеристикѣ бобылей, допущенное вслѣдъ за Бѣляевымъ всѣми вышеуказанными авторами (кромѣ А. С. Лаппо-Данилевскаго), будто бобыли живутъ или сидятъ „на половинномъ тяглѣ", „на половинномъ участкѣ" или „имѣютъ запашки на половину меньшія" по сравненію съ крестьянами. Крестьянскіе участки и тягла вовсе не были одинаковы даже въ предѣлахъ одного имѣнья. Это перемѣнная величина. Приравненіе бобыльскаго хозяйства половинѣ величины непостоянной еще не приводитъ къ искомому опредѣленію.

Указы о живущей четверти вводятъ новую окладную единицу, состоящую изъ суммы крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. Въ составѣ этой единицы, то-есть въ окладномъ смыслѣ, бобыльской дворъ приравненъ половинѣ крестьянскаго. Ничего больше для характеристики бобылей указы не даютъ.

Но спрашивается, указанное приравненіе крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ является ли новостью указовъ 1630—1631 годовъ, или-же указы узаконяютъ старинную практику?

Бѣляевъ, а за нимъ и всѣ другіе авторы, не сомнѣваются въ по-

---

Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ, 52, въ *Чтеніяхъ* Общества исторіи и древн. 1894, кн. IV. Иначе высказались: *Костомаровъ*, Очеркъ домашней жизни, 33; *Соловьевъ*, Исторія Россіи т. XIII, изд. 3, 124; *Незабитовскій*, Собраніе сочиненій, стр. 46, и *А. А. Спицынъ*. Земля и люди на Вяткѣ, 34—36.

[1]) Историко-юридическіе матеріалы изд. Московскимъ Архивомъ министерства юстиціи, вып. 1, стр. 101—103. Согласно этому и въ Бѣлевской писцовой книгѣ т. II, 286—287, сказано, что по государеву указу 139 года „гдѣ крестьянскихъ дворовъ не достало, и тутъ положено за одинъ дворъ крестьянскій по два двора бобыльскихъ". Ср. *Лаппо-Данилевскій*, l. c., 249 прим. 1.

слѣднемъ, утверждая, что приравненіе бобыльскаго хозяйства (тягла, надѣла) половинѣ крестьянскаго встрѣчается и въ XVI вѣкѣ. Въ подтвержденіе приводятся слѣдующіе факты. Въ уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря 1548 года сказано, что „съ бобылей, кои живутъ о себѣ дворцами, съ тѣхъ имати прикащику по двѣ денги по московскую"; тогда какъ съ крестьянъ въ той же грамотѣ положено прикащику „по четыре денги московскую". Затѣмъ въ уставной грамотѣ 1590 г. патріарха Іова Новинскому монастырю бобыли прямо названы *полувытчиками*: „а крестьяне бъ жили вытчики вороты выть полувытчики" [1]).

Мы полагаемъ, что приведенные факты не имѣютъ ни того смысла, ни той цѣны, какіе имъ придаются. Въ уставной грамотѣ 1548 года сказано о крестьянахъ: „пожаловали есмя крестьянъ своихъ Виремскіе волостки: давати имъ приказщику съ житейскихъ дворовъ съ тяглыхъ съ двадцати луковъ да съ трехъ, за кѣмъ сколько угодья по розщету, *съ лука* приказщику по четыре денги московскую". Сборъ назначенъ не съ крестьянскаго двора, а съ лука, что не одно и то же [2]). Приравнивать бобыльскій дворъ по размѣрамъ сборовъ слѣдовало-бы не половинѣ крестьянскаго двора, а половинѣ лука. Впрочемъ по тѣмъ же основаніямъ и въ силу той-же грамоты скорѣе слѣдуетъ приравнять бобылей казакамъ, съ которыхъ въ пользу приказчика и доводчика установленъ такой-же сборъ, какъ и съ бобылей. Въ уставной-же грамотѣ 1590 года о бобыляхъ вовсе не упоминается. Приведенныя-же изъ нея слова повидимому испорчены, и мы не беремся истолковывать неясный ихъ смыслъ. Но не можетъ подлежать спору, что рядомъ съ крестьянами вытчиками могли быть и были крестьяне полувытчики. Въ XVI вѣкѣ въ вотчинахъ Троицкаго Сергіева монастыря упоминаются крестьяне сидящіе на полвыти, на трети, на четверти, на полутрети и на получети выти [3]). Терминъ „полувытчики" уставной грамоты 1590 года отнесенъ къ бобылямъ по недоразумѣнію.

Ни въ указанныхъ грамотахъ, ни въ другихъ памятникахъ XVI вѣка намъ не удалось найдти ни одного намека на попытки такъ или иначе приравнять бобылей крестьянамъ. Впервые приравненіе

---

[1]) А. Э. I № 221; Временникъ, кн. 2, смѣсь, стр. 20.

[2]) *Лукъ* мѣра земли и угодій, соотвѣтствующая обжѣ. Въ писцовой книгѣ Вотской пятины 1500 г. сказано: „а въ сохѣ по три луки, а лукъ писанъ за обжу" Временникъ, кн. 12, стр. 9 и 16.

[3]) Писцовыя книги Москов. госуд., т. I, Отд. I, стр. 655—657, 731—786.

первыхъ вторымъ съ точки зрѣнія окладной вводится законодателемъ указами 1630—31 годовъ о живущей четверти [1]).

Въ виду вышесказаннаго мы не можемъ присоединиться къ общепринятому мнѣнію о бобыляхъ, какъ земледѣльцахъ, сидящихъ на половинномъ крестьянскомъ тяглѣ (участкѣ, надѣлѣ). Эта черта въ ихъ характеристикѣ, съ приведенною оговоркой, создается указами 1630—31 годовъ. Что-же такое представляютъ изъ себя бобыли до этихъ указовъ?

Въ предшествующей литературѣ отмѣчено, что бобыли раздѣлялись на пашенныхъ и безпашенныхъ. Высказано даже мнѣніе, что „обыкновенно бобыли были безземельными“ [2]). Къ сожалѣнію это мнѣніе не получило ни достаточнаго обоснованія, ни дальнѣйшаго развитія. Мы вполнѣ присоединяемся къ этому мнѣнію и полагаемъ, что оно правильно отмѣчаетъ самую главную особенность въ положеніи бобылей. Бобыль—непашенный, безземельный человѣкъ. Такимъ онъ выступаетъ въ самыхъ раннихъ памятникахъ, содержащихъ упоминанія о бобыляхъ. Этотъ признакъ остается отличительною чертой бобыля и въ теченіи всего XVI вѣка. Бобыль непашенный человѣкъ не въ силу того, что онъ земледѣлію предпочелъ какой либо промыселъ, находя его болѣе выгоднымъ. Онъ непашенный только потому, что вслѣдствіе бѣдности покинулъ земледѣліе, „отбылъ пашни“, какъ говорилось тогда, или по неимѣнію средствъ не могъ нигдѣ пристроиться на пашню, „порядиться во крестьяне“. Укажемъ факты.

Самое раннее упоминаніе о бобыляхъ, извѣстное намъ, находится въ Псковской лѣтописи, гдѣ подъ 7008 годомъ сказано о посылкѣ изъ Пскова вспомогательнаго отряда въ литовскій походъ: „князь псковскій Александръ Володимеровичь, и посадники псковскіи, и бояре, и весь Псковъ порубившеся съ десяти сохъ конь, а съ сорока рублевъ конь и человѣкъ въ доспѣхѣ, а бобыли пѣшіе люди“. Конная рать набирается съ сохъ, то-есть съ земли, и съ рублей, то-есть съ промысловыхъ и торговыхъ капиталовъ. Бобыли въ составѣ конной рати участія не принимаютъ, потому что у нихъ нѣтъ ни земли, ни денежныхъ доходовъ. Они поэтому только пѣшіе люди.

---

[1]) *И. И. Лаппо* въ своемъ трудѣ „Тверской уѣздъ въ XVI вѣкѣ“, стр. 52, говоритъ о живущей четверти, какъ объ окладной единицѣ въ XVI столѣтіи. Это, конечно, также недоразумѣніе.

[2]) *П. А. Соколовскій*, Экономическій бытъ etc. Проф. *М. И. Горчаковъ*, О земельныхъ владѣніяхъ митрополитовъ etc., стр. 207, совершенно правильно отмѣтилъ, что бобыли имѣли только усадебную осѣдлость.

Изъ извѣстныхъ намъ писцовыхъ книгъ впервые упоминаніе о бобыляхъ содержитъ писцовая книга Шелонской пятины 1539 года. При перечисленіи населенія въ 23-хъ погостахъ книга вездѣ замѣчаетъ о бобыляхъ, что они живутъ особыми дворами и не имѣютъ собственной запашки. Это обыкновенно отмѣчается въ такой формѣ: „дворъ бобыль такой-то безъ пашни“; или: „а бобыльскихъ дворовъ безъ пашни“ такіе-то; и еще: „а бобылей безпашенныхъ“. Такихъ примѣровъ можно указать цѣлый рядъ [1]). Иногда, хотя значительно рѣже, книга не даетъ такого категорическаго указанія и содержитъ перечисленіе бобыльскихъ дворовъ безъ отмѣтки, есть-ли у бобыля пашня или нѣтъ. Но и въ этихъ случаяхъ безъ колебаній можно заключить, что у бобылей пашни нѣтъ, такъ какъ о бобыльскихъ дворахъ идетъ рѣчь вслѣдъ за итогомъ пашни въ коробьяхъ и обжахъ по каждой деревнѣ. Напримѣръ „Д. Исакова: 4 крестьянскихъ двора. пашни въ одномъ полѣ 12 коробей. а въ дву потомужъ, сѣна 60 копенъ, 2 обжи. дворъ бобыль Микулка“ [2]). Во всей книгѣ намъ встрѣтилось только одно указаніе, что бобыль пахалъ пашню: „Д. Кованицы, а въ немъ дворъ большой, а жилъ въ немъ бобыль Палицынъ, а пахалъ ее бобыль на собя, пашни въ одномъ полѣ 20 коробей, пол-6 обжы“. Но и объ этомъ случаѣ книга разказываетъ, какъ о фактѣ нѣкогда существовавшемъ и болѣе не существующемъ. Быть можетъ Палицынъ потому и сталъ бобылемъ, что отбылъ пашни [3]). Характеристическая черта бобыля. какъ человѣка непашеннаго, вырисовывается въ этой писцовой книгѣ самымъ наглядным образомъ. Интересно однако отмѣтить, что въ итогахъ по каждому помѣстью эта черта сглаживается благодаря тому, что въ нихъ суммируются всѣ дворы-помѣщичьи, служни, крестьянскіе и бобыльскіе безъ раздѣленія на группы, а затѣмъ подводится общій итогъ пашни. Располагая одними итогами, наблюдатель скорѣе пришолъ бы относительно бобылей къ противоположному заключенію.

---

[1]) Новгородскія писцовыя книги т. IV, 239, 245, 246, 251, 255, 257, 266, 288, 293, 299, 303, 305, 307, 309, 314, 321, 322, 331, 336, 342, 343, 355, 367, 368, 374, 379, 396, 400, 402, 404, 405, 408, 409, 411, 414, 416—418, 420, 423, 425,—427, 428—430, 437, 440, 450, 453, 456, 457, 475, 479, 484, 497, 502, 504, 505, 508, 509, 512, 513, 520 и др.

[2]) Тамъ же, 413, 415, 417, 431, 436, 437, 439, 495, 512 и др. Впрочемъ въ 5-ти случаяхъ мы встрѣтили уклоненіе отъ указаннаго порядка: 347, 420, 432, 475 и 479.

[3]) Тамъ же, 438.

Характеризуя бобылей съ отрицательной стороны, книга очень рѣдко сообщаетъ о нихъ какія нибудь бытовыя данныя. Иногда отмѣчается ихъ родъ занятій. Это рыболовы, колачники, швецы, плотники, орѣшники, бортники, смычники, толокняники, скоморохи. Иногда у бобыльскихъ дворовъ или въ дворахъ упоминаются лавки. Впрочемъ всѣ эти указанія относятся исключительно къ бобылямъ, проживающимъ на погостахъ или въ крупныхъ торговыхъ селахъ. Но и въ этихъ случаяхъ бобыльскіе дворы противополагаются крестьянскимъ *тяглымъ* дворамъ; а это указываетъ, что бобыли къ разрядамъ тяглыхъ людей не причислялись [1]). Изъ сборовъ, падающихъ на бобылей упоминается лишь поземъ, то-есть плата за усадебную землю [2]).

Писцовыя книги и сотныя выписи второй половины XVI вѣка во многихъ случаяхъ съ точностью подтверждаютъ выводъ, полученный изъ разсмотрѣнія писцовой книги 1539 года. Новгородскія писцовыя книги 7090—7093 годовъ Шелонской, Обонежской и Бѣжецкой пятинъ нерѣдко упоминаютъ о безпашенныхъ бобыляхъ [3]). Непашенные бобыльскіе дворы перечисляются и въ писцовыхъ книгахъ вотчинъ Троицкаго Сергіева монастыря 7101 года по нѣкоторымъ уѣздамъ, напримѣръ, Дмитровскому и Сольгаличскому. Не безъинтересно при этомъ отмѣтить, что послѣднія изъ упомянутыхъ книгъ употребляютъ термины *бобыльской* и *непашенный*, какъ однозначущіе одинъ вмѣсто другаго. Такъ, въ итогѣ по Инобожскому стану показано за монастыремъ 13 *непашенныхъ* дворовъ; но выше при описаніи селъ и деревень упоминаются только „непашенные бобыльскіе“ или „бобыльскіе“ дворы. Точно также въ Раменскомъ станѣ въ итогѣ показано три *непашенныхъ* двора; но выше въ текстѣ книги эти дворы названы „бобыльскими“. Или обратно: въ Каменскомъ стану всего подсчитано четыре двора бобыльскихъ, которые и выше названы бобыльскими; но въ итогѣ-же показанъ размѣръ сборовъ съ крестьянскихъ вытей, „да не съ пашенныхъ съ 4-хъ дворовъ оброку 4 гривны, съ двора по гривнѣ“. Въ Берендѣевскомъ стану перечислены 5 дворовъ *непашенныхъ* и 3—*бобыльскихъ*; въ итогѣ всѣ эти 8 дворовъ названы бобыльскими, но при исчисленіи сборовъ опять сказано: „да съ непашенныхъ

---

[1]) Тамъ же, 478, 503 и 505.

[2]) Тамъ же, 258, 293 и 461.

[3]) *Неволинъ*, О пятинахъ и погостахъ Новгородскихъ, въ *Запискахъ* Географическаго Общества кн. VIII, Приложенія, стр. 84, 109, 111, 112, 116, 118, 135, 171, 173, 320, 324, 325 и др.

дворовъ оброку 31 алтынъ 4 деньги“ [1]). То же самое можно отмѣтить и въ писцовой книгѣ 7080 года помѣстныхъ земель Веневскаго уѣзда: и здѣсь „дворы безъ пашни“ и „бобыльскіе дворы“ оказываются терминами однозначущими [2]).

Съ чрезвычайной яркостью эта особенность экономическаго быта бобылей рисуется въ писцовой книгѣ земель великаго князя Семіона Бекбулатовича въ Тверскомъ и Микулинскомъ уѣздахъ 1580 года. Бобыли составляютъ незначительную часть населенія великокняжескихъ вотчинъ. Но во всѣхъ случаяхъ, гдѣ они встрѣчаются, они выдѣлены изъ состава земледѣльческаго населенія. Это отмѣчено въ книгѣ иногда совершенно точно. Книга упоминаетъ, напримѣръ, о *пашенныхъ* дворахъ, въ которыхъ живутъ бобыли; но о бобыляхъ сказано, что они „на пашню не порядились“ и потому обложены оброкомъ, „докуды въ тѣ дворы жильцы на пашню будутъ“. Въ книгѣ предусмотрѣно, что въ послѣднемъ случаѣ „съ тѣхъ дворовъ оброку не имати, а платити имъ ямскіе денги и посопной хлѣбъ, на колко выти кто порядитца“. Такое же значеніе имѣютъ и слѣдующія отмѣтки въ книгѣ: „дворъ, жилецъ посаженъ *для хоромъ* въ бобыли“; „во дворѣ бобыль, а былъ пашенной дворъ“; „крестьянскихъ было три двора, а нынѣ на тѣхъ мѣстѣхъ живутъ шесть бобылей; пашни крестьянскіе — полвыти; и ту пашню пашетъ и сѣно коситъ Никольской попъ“ [3]). Эти отмѣтки не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что бобыль — непашенный человѣкъ. Къ тому же заключенію приводятъ указанія о бобыляхъ, живущихъ въ одной деревнѣ съ крестьянами. Въ этихъ случаяхъ въ книгѣ не сказано, что за бобылями пашни нѣтъ. Но по каждой деревнѣ размѣры крестьянской запашки переложены въ выти, а послѣ этого показанъ оброкъ съ бобыля; напримѣръ: „Дер. *Копнино:* два двора (каждый на полчетьи выти), во

[1]) Изъ 8 дворовъ семь платили по гривнѣ съ двора и одинъ полуполтину. Писцовыя книги Московскаго государства, т. I, Отд. I, стр. 742 и 759, 749 и 756. Ср. тамъ-же 922 и 924.

[2]) Писцовыя книги Московскаго государства, Отд. II, стр. 1567 (ср. стр. 1562 и 1563) и 1579 (ср. стр. 1570, 1574 и 1578). Также въ писцовой книгѣ г. Усолья и Усольскаго уѣзда Ивана Яхонтова 7087 г. въ уѣздѣ по итогу значится 18 дворовъ безпашенныхъ; по изъ этого числа 10 дворовъ въ текстѣ по тремъ деревнямъ названы: „дворы безпашеные бобыльскіе“. *А. Дмитріевъ*, Пермская старина, вып. III, стр. 167 и 168, 173 и 174.

[3]) Писцовыя книги Московскаго государства, отд. II, стр, 349, 354, 302, 363 и 392.

дворѣ бобыль; пашни худые земли полтретьи десятины... четь выти; да съ бобыля оброку гривна, пошлинъ денга“ [1]). Значитъ, у бобылей никакой запашки и не имѣлось.

Только что приведенныя данныя какъ писцовой книги 1580 г., такъ и писцовыхъ книгъ 1593—1594 года свидѣтельствуютъ кромѣ того, что бобыльскіе дворы обособлены отъ крестьянскихъ и въ повинностномъ отношеніи: они платятъ только оброкъ и не несутъ тягла, а потому не положены ни въ выти, ни въ сохи.

Подобныя же данныя сообщаетъ и неизданная писцовая книга 1589—1591 годовъ Вологодскаго уѣзда. Въ волостяхъ Югу и Углѣ, а также въ погостѣ Лещовскомъ, описаны деревни и крестьянскіе дворы съ указаніемъ, на какой части выти сидитъ каждый дворъ; въ числѣ дворохозяевъ упомянуты нѣсколько разъ и крестьянскія вдовы. Но встрѣчающіеся бобыльскіе дворы въ выти не положены. Поэтому въ итогахъ крестьянскіе тяглые дворы противопоставлены бобыльскимъ; напримѣръ, въ волости Югу: „дворовъ живущихъ крестьянскихъ *тяглыхъ* 116 дворовъ, а людей въ нихъ 118 человѣкъ, да 5 дворовъ на лготѣ, а людей въ нихъ тожъ, да 8 дворовъ бобыльскихъ, да 18 дворовъ пустыхъ“ [2]).

Точно также въ сотной выписи 7095 года на волость, что была вотчина Ивана Петровича Ѳедорова, село Богоявленское, Бѣлозерскаго уѣзда, Надпорожскаго стана, по итогу значится въ живущихъ деревняхъ „крестьянскихъ живущихъ 65 дворовъ, а людей въ нихъ тожъ, да 4 двора бобыльскихъ, людей въ нихъ тожъ“. Вытей въ живущемъ значилось 11 вытей съ полвытью и полполтрети выти, а сошнаго письма въ живущемъ четь и полполчети сохи. „А денежныхъ четвертныхъ доходовъ за намѣстничъ доходъ 11 рублевъ 18 алтынъ съ полуденгою, съ выти по рублю, да съ бобыльскихъ 4 дворовъ оброку 8 алтынъ, съ двора по 2 алтына“ [3]).

Въ платежныхъ рязанскихъ книгахъ 7103—7105 годовъ прямо указано, что „бобыльскіе дворы въ сошное письмо не положены“ [4]).

---

[1]) Тамъ же, 367, 362, 368—369, 370, 372, 373, 376; ср. 317—318. Намъ неизвѣстны данныя разсматриваемой книги, которыя дали право г. *И. И. Лаппо* говорить о пашенныхъ бобыляхъ. Назв. соч., 52.

[2]) Московскій Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, книга по Вологдѣ № 5, лл. 49, 89, 180 и др.

[3]) Грамоты Коллегіи Экономіи, по Бѣлозерскому уѣзду, № 165/166.

[4]) *Рязанскія Губернскія Вѣдомости*, 1839 г., прибавленіе къ № 12; Акты Ѳед.-Чех., т. II, 485.

Отмѣтимъ еще указаніе отказной грамоты 1597 г. февраля 8-го на село Клементьевское Костромскаго уѣзда Троицкому Сергіеву монастырю. По итогу въ селѣ Клементьевскомъ значилось „живущихъ *пашенныхъ* крестьянъ девять вытей, а жилцовъ 24 дыма. Да въ селѣ же Клементьевѣ бобыльскихъ дворовъ“ [1])... Ясно, что во всѣхъ указанныхъ случаяхъ бобыли, какъ не пашенные и не тяглые люди, отличены отъ пашенныхъ тяглыхъ крестьянъ.

Если бы указанія памятниковъ второй половины XVI вѣка о бобыляхъ во всѣхъ случаяхъ были столь опредѣлены, какъ выше перечисленные, то едва ли бы могъ возникнуть взглядъ на бобылей, какъ на пахарей, сидящихъ на половинномъ крестьянскомъ тяглѣ. Этотъ взглядъ, исключительно опирающійся на словахъ указовъ 1630—1631 гг., потому только и могъ быть перенесенъ на предшествующее время, что въ памятникахъ той эпохи бобыли нерѣдко упоминаются безъ сколько-нибудь ясныхъ указаній на ихъ хозяйственный бытъ. Такъ въ писцовыхъ книгахъ второй же половины XVI вѣка, кромѣ вышеуказанныхъ, бобыльскіе дворы описываются по деревнямъ послѣ крестьянскихъ, въ итогахъ они выдѣлены въ особыя группы, и за итогами дворовъ идетъ счетъ пашенной земли и угодьевъ. Въ большинствѣ случаевъ итоги дальше этого и не идутъ, не заключая указаній на суммы сборовъ съ вытнаго или сошнаго письма; гораздо рѣже прибавлены и эти указанія и безъ всякой оговорки, что итоги пашни и тягла не относятся къ бобылямъ [2]). Это, конечно, могло подать поводъ къ выводу, что бобыли, какъ и крестьяне, были пашенными тяглыми людьми.

Но на чемъ зиждится такой выводъ? Мы уже знаемъ, что къ такому же выводу могли подать поводъ и итоги писцовой книги 1539 года, и лишь текстъ самой книги предостерегаетъ отъ подобной ошибки. Неисправно изданный текстъ писцовыхъ книгъ XVI вѣка не приходитъ на помощь при выясненіи этого недоразумѣнія. Но въ томъ, что издано, нѣтъ ни одного положительнаго подтвержденія въ пользу мысли, что бобыли, какъ и крестьяне, пахали пашню и платили тягло. Книги говорятъ о боярской или монастырской и о крестьянской пашнѣ, не упоминая ни разу о бобыльской; когда въ нихъ

[1]) Сборникъ Троицкаго Сергіева монастыря, № 532, л. 870—872.

[2]) Писцовыя книги Московскаго государства, отдѣлы I и II. Текстъ этихъ книгъ изданъ не полностью; очень возможно, что вслѣдствіе такихъ произвольныхъ сокращеній утратились многія черты для уясненія быта бобылей.

упоминается о различныхъ видахъ сборовъ, то рѣчь идетъ лишь о сборахъ съ вытнаго письма; а въ выти кладется пашенная земля. Въ нѣкоторыхъ рѣдкихъ случаяхъ пашенная земля въ сошное письмо не кладется. Таковы по общему правилу, за исключеніемъ поморскихъ уѣздовъ, церковныя земли. Затѣмъ пашенныя земли или живущіе дворы исключаются изъ сошнаго письма, „потому что въ сошномъ письмѣ не пригодятца“ [1]). Но и эти случаи не касаются бобылей; нѣтъ указаній и на то, чтобы ихъ дворы попадали въ вытное письмо.

Въ виду всего вышеуказаннаго мы полагаемъ, что бобыльскіе дворы и въ тѣхъ случаяхъ, когда о нихъ нѣтъ никакихъ бытовыхъ указаній въ писцовыхъ книгахъ, слѣдуетъ считать безпашенными и не тяглыми. Только при такомъ предположеніи можно объяснить укоренившійся и общераспространенный къ началу XVII вѣка взглядъ, что бобыль въ противоположность крестьянину ни пашни не пашетъ, ни тягла не тянетъ. Напримѣръ, въ жалованной грамотѣ Звадскому Спасскому монастырю 1619 года августа 28-го находимъ слѣдующее любопытное указаніе: „по писцовой книгѣ Андрея Клобукова съ товарищи 98 года вотчины за Спасскимъ монастыремъ живущаго и пустого 6 обежъ съ полобежью, да у нихъ же подъ монастыремъ пашни двѣ обежи, а пашутъ они тое пашню собою сами, а *крестьянъ* тѣхъ на двухъ обежахъ *пашенныхъ нѣтъ ни одного* человѣка, а живутъ на нихъ *бобыли*; а въ нашу казну даютъ они (то-есть, монастырскія власти) съ тѣхъ двухъ обежъ дани съ обежи по 12 алтынъ по 2 денги“ [2]). Другой примѣръ. Въ 1620 году Дементій Семеновичъ Погожевъ взялъ на оброкъ у властей Троицкаго Сергіева монастыря пустошь, что было село Мамоново, съ льготой на 10 лѣтъ „на дворовое и на крестьянское строенье и на земляную роспашку“. За это время онъ обязался поставить монастырскій дворъ и 10 дворовъ крестьянскихъ, „а на дворѣ поставить по избѣ да по клѣти да по хлѣву съ повѣтми и со всякимъ крестьянскимъ строеньемъ и съ гумны, и дворы и гумна огородить и посадити въ тѣ дворы 10 человѣкъ *крестьянъ пашенныхъ, а не бобылей*, и надѣлити ихъ подмогою денгами и хлѣбомъ, и пашни въ поляхъ разгородити и роспахати по полямъ“ [3]).

Когда въ 1620 году дозорщики по постановленію земскаго собора

---

[1]) Писцовыя книги Московскаго государства, отд. II, стр. 335, 341.

[2]) *Амвросій*, Исторія іерархіи, т. IV, стр. 149.

[3]) Сборникъ Троицкаго Сергіева монастыря, № 530, л. 230—231.

1619 года описывали разоренные отъ литовскихъ людей и отъ черкасъ города и уѣзды, то многіе „дворяне и дѣти боярскіе и монастыри крестьянъ своихъ у дозорщиковъ во 128 году утаили, а которыхъ и не утаили, и онѣ *крестьянъ своихъ писали для тягла бобылями*“. Что это были не единичныя злоупотребленія, видно изъ того, что правительству въ концѣ 20-хъ годовъ приходилось посылать новыхъ дозорщиковъ для сыска утаенныхъ и новоприбылыхъ крестьянъ и бобылей (то-есть, крестьянъ, записанныхъ бобылями), которыхъ предписано было положить „въ живущее тягло въ четвертную пашню“ [1]). Намъ извѣстны лишь немногія данныя изъ дозорныхъ книгъ этого времени. Но эти данныя весьма многознаменательны: они наглядно рисуютъ процессъ нарожденія бобыльства. Въ выписи съ дозорныхъ книгъ 120 года на вотчины Троицкаго Сергіева монастыря въ Костромскомъ уѣздѣ читаемъ: „Деревня Кочюгова:... дворъ бобыльской Васки Антипьева, а былъ крестьянской да обмолодалъ отъ войны да отъ податей; сказали пашни не пашетъ, лежитъ впустѣ, а было за нимъ пашни 3 чети“. „Деревня слобода Хотинова, а въ ней крестьянъ:... дворъ бобыльской Первушки Кирилова, а былъ де крестьянинъ и отъ войны обмолодалъ, и пашня его пуста, а было за нимъ пашни 2 чети съ осминою“. Въ приселкѣ Медвѣдковѣ описано пять бобыльскихъ дворовъ, бывшихъ раньше крестьянскими. Въ дозорной выписи 7124 года на вотчины Чудова монастыря въ Костромскомъ же уѣздѣ въ погостѣ Шунгѣ перечислены шесть бобыльскихъ дворовъ, „а до литовскаго разоренья тѣ бобыли были пашенные крестьяне и отъ литовскаго разоренья они оскудали, пашни не пашутъ, жеребей ихъ пашни лежитъ впустѣ“. О бобыляхъ, живущихъ въ монастырскихъ деревняхъ сказано, что „отъ литовскаго разоренья оскудали, ходятъ по миру, кормятся Христовымъ именемъ“ [2]). Естественно, что подобныя явленія гораздо чаще встрѣчались послѣ событій, перенесенныхъ Московскимъ государствомъ въ смутное время и въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича. Но такіе же процессы превращенія крестьянъ въ бобылей происходили безспорно и въ болѣе спокойное время вслѣдствіе общихъ экономическихъ условій, переживаемыхъ сельскимъ населеніемъ, хотя бы въ теченіе XVI вѣка. Неурожаи, повальныя болѣзни, массовое переселеніе, „тяжелое письмо“,

---

[1]) *Неволинъ*, указанное сочиненіе, прилож., стр. 375.

[2]) Сборникъ Троицкаго Сергіева монастыря, № 532, лл. 924 и 928; Грамоты Коллегіи Экономіи, по Костромскому уѣзду, № $^{201}/_{5168}$.

наконецъ, причины естественныя, какъ старость при отсутствіи работниковъ въ семьѣ, могли вынудить крестьянина бросить пашню и поселиться бобылемъ и даже перейдти въ чужой дворъ. Такъ въ выписи съ книгъ Леонтья Ошанина (послѣ 7095 г.) на вотчину Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ деревнѣ Булановѣ упомянутъ пустой дворъ, „а живалъ въ немъ Гриша Рахло Малышкинъ, да вышелъ въ иную деревню на подворье, живетъ бобылемъ, старъ, пахати не можетъ“ [1]).

Изъ грамоты Галицкому воеводѣ 1619 года узнаемъ, что къ правительству обратился съ просьбой Симоновскій архимандритъ Іона по слѣдующему поводу: въ 1617 году прибрелъ въ ихъ монастырскую вотчину къ Соли Галицкой къ усольской службѣ бобыль Иванко Тимоѳеевъ и живетъ на монастырскомъ дворѣ въ работникахъ, „а жилъ де онъ за вдовою за Домною за Михайловскою женою Второвскаго. И та де вдова съ *того Иванка жеребей и съ хлѣбомъ сняла для его бѣдности* и отпись ему въ томъ жеребьѣ и въ хлѣбѣ дала“. Для описываемой эпохи указанное явленіе вовсе не представляется особеннымъ: помѣщики нерѣдко давали отпускныя своимъ обѣднѣвшимъ крестьянамъ. Но вдова помѣщица снова начала предъявлять права на бывшаго своего крестьянина, превратившагося въ монастырскаго бобыля, и захотѣла его взять къ себѣ. Вслѣдствіе челобитья монастырскихъ властей государь предписалъ воеводѣ: „будетъ та вдова Домна съ того Иванка жеребей и хлѣбъ сняла для его *бѣдности и одиночества* и отпись будетъ ему въ томъ жеребьѣ и въ хлѣбѣ дала“, не велѣть того бобыля отдавать ей и вывозить изъ-за монастыря [2]).

Такое приниженное экономическое положеніе бобылей выразилось и въ особомъ терминѣ, характеризующемъ ихъ положеніе; ихъ называли *невзгодниками*. Этотъ терминъ выработанъ, конечно, народнымъ языкомъ, но онъ усвоенъ и офиціальнымъ языкомъ грамотъ. Въ жалованной грамотѣ Кандалакскому Богородицкому монастырю 1615 года сказано, что по указу государя Гурій Волынцовъ повершталъ монастырь съ тяглыми крестьянами Кандалакской волости „и отдѣлилъ половину *бобылей невзгодниковъ*, которые живутъ своими дворы, Кандалашскому монастырю въ подмогу, а другую половину тѣхъ бобылей отдѣлилъ въ подмогу нашимъ Кандалашскимъ тяглымъ крестья-

[1]) Грамоты Коллегіи Экономіи, по Бѣлозерскому уѣзду, № 175/876.
[2]) Грамоты Коллегіи Экономіи, по Галицкому уѣзду, № 117/3147.

номъ, которые тутошные, и впередъ иные учнутъ приходити, а дворы свои ставити, тѣхъ дворовыхъ новыхъ бобылей Кандалашскому монастырю съ нашими тяглыми Кандалашскими крестьяны впередъ дѣлити пополамъ“ [1]).

Бобыли невзгодники въ грамотѣ названы еще дворовыми бобылями, потому что живутъ въ своихъ дворахъ, значитъ, имѣютъ усадебную осѣдлость. Подробность любопытная, хотя и не новая. Еще уставная грамота Соловецкаго монастыря 1548 года имѣетъ въ виду лишь бобылей, „кои живутъ о себѣ дворцами“. Все сказанное нами до сихъ поръ о бобыляхъ относится лишь къ бобылямъ, жившимъ своими дворами. Но приведенныя выраженія косвенно указываютъ на то, что существовали бобыли иного типа, не имѣвшіе собственной осѣдлости. Этотъ намекъ находитъ прямое подтвержденіе въ памятникахъ XVI и XVII вѣковъ, указывающихъ, что бобыли жили иногда у крестьянъ во дворахъ, въ нищенскихъ кельяхъ при церквахъ, а иногда даже бродили по людямъ, прокармливались работою и Христовымъ именемъ. Въ сотной выписи 1600 года на вотчины Ипатьевскаго монастыря въ Костромскомъ уѣздѣ перечисляются въ селахъ и деревняхъ крестьянскіе и бобыльскіе дворы и ихъ жильцы; въ итогѣ показано „692 двора крестьянскихъ, а крестьянъ въ нихъ 742 человѣка, да въ *тѣхъ же дворѣхъ 52 человѣка бобылей*, да 197 дворовъ бобыльскихъ, а бобылей въ нихъ 209 человѣкъ“ [2]). Бобыли, живущіе своими дворами, здѣсь явно отличены отъ бобылей-захребетниковъ [3]). Въ Муромской городской писцовой книгѣ 1637 года упоминается около церкви мѣсто дворовое протопопа, „а на томъ мѣстѣ дворъ пономаря да 4 кельи, а въ нихъ живутъ нищіе, а оброку тѣ нищіе платятъ соборному протопопу на годъ съ кельи по гривнѣ“; эти 4 кельи ниже названы бобыльскими. Затѣмъ тамъ же „на монастырѣ около церкви живутъ бобыли *бродящіе* въ людяхъ, кормятся Христовымъ именемъ“ [4]). Въ выписи 1618 года на вотчины патріаршескаго Благо-

[1]) Русская Историческая Библіотека II, 691—692.

[2]) Грамоты Коллегіи Экономіи, по Костромскому уѣзду, № 180/5147; ср. Писцовыя книги Московскаго государства, отд. I, стр. 904 и 905 прим.; А. Ю. Б. т. II, 18 (1615 г.), 170 (1638 г.).

[3]) Въ Олонецкой писцовой книгѣ 136 — 137 г. въ Остречинскомъ погостѣ, въ монастырской вотчинѣ записаны „два бобыля, живутъ въ захребетникахъ“. *Олонецкія Губернскія Вѣдомости* 1850 г., № 35. Ср. А. С. *Лаппо-Данилевскій*, l. c., стр. 102, прим. 2.

[4]) Владимірскій Сборникъ, стр. 152, 153 и 158. См. выше стр. 13, прим. 2.

вѣщенскаго монастыря, что въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ селахъ Мигинѣ и Плотинскомъ послѣ церковныхъ дворовъ перечислены 12 дворовъ церковныхъ бобылей, и про нихъ сказано: „а питаютца тѣ бобыли у церкви Божіей“ [1]). Эти дворы конечно тѣ же нищенскія кельи, жильцы которыхъ питаются милостыней, собираемою съ прихожанъ при церквахъ.

Такіе бобыли, не имѣвшіе собственной усадебной осѣдлости, назывались технически *безмѣстными*, *бродящими* или *походячими*. Такъ въ писцовой книгѣ Углицкаго уѣзда 30-хъ годовъ XVII вѣка за Троицкимъ Сергіевымъ монастыремъ въ Прилуцкой волости показано: „Троицкихъ безмѣсныхъ бобылей, которые въ той волости и по за волостью кормятся работою своею, дворовъ своихъ у нихъ нѣтъ, живутъ по чужимъ дворамъ“ (перечислены 18 человѣкъ) [2]).

Только что приведенные факты указываютъ, что общественное и экономическое положеніе бобылей могло понижаться до низшихъ ступеней общественной лѣстницы, гдѣ они сливались съ разношерстною и бездомною массой казаковъ, монастырскихъ дѣтенышей, захребетниковъ, прикромниковъ, подсусѣдниковъ и т. д. Отличить въ этой массѣ бобылей гораздо труднѣе, чѣмъ провести различіе между пашенными крестьянами и бобылями, имѣвшими собственную осѣдлость. Эти послѣдніе, составляющіе главную массу бобылей въ XVI и въ началѣ XVII вѣка, какъ люди не пашенные и не тяглые, легко могли быть отличены отъ крестьянъ. Но если они могли понижаться по ступенямъ общественной лѣстницы, то и обратно, могли въ отдѣльныхъ случаяхъ подниматься по ней, переходя въ разрядъ пашенныхъ и тяглыхъ людей. Укажемъ примѣры.

Въ сотной выписи 7072 на вотчины Псковскаго Печерскаго монастыря объ одной монастырской пустоши отмѣчено: „а пашетъ тое пустошь Ханцъ наѣздомъ, а живетъ въ той-же волости въ бобылѣхъ у Пѣпы у Волотуева, а нынѣ ему на ту пустошь ити жити“. Здѣсь бобыль-захребетникъ прямо переходитъ въ разрядъ пашенныхъ бобылей [3]). Въ другомъ случаѣ бобыли изъ разряда нетяглыхъ переводятся въ число тяглыхъ людей. Въ выписи съ книгъ поморскихъ Керетской волости 7082 года перечислены сначала дворы *тяглые*

[1]) Румянцевскій музей, сборникъ Бѣляева, № 1621, лл. 19—23.

[2]) Углицкія писцовыя книги, изд. во Временникѣ Демидовскаго Юридическаго Лицея, стр. 171; Русская Историческая Библіотека XIV, 620 (1615): бобыль походячій.

[3]) Румянцевскій музей, собраніе рукописей графа Румянцева, № LV.

непашенные, всего 27 дворовъ, а людей въ нихъ 45 человѣкъ. Затѣмъ далѣе сказано: „Въ Керети-жъ *дворы бобыльскіе*, а государю царю и великому князю съ тѣхъ дворовъ прежъ сего оброкъ не бывалъ, а промышляли тѣ люди въ варницахъ, дрова сѣкли, а лѣтомъ ходили на море, на судѣхъ наймуючись. А луковыхъ угодей и лѣшихъ ухожеевъ и въ рѣкѣ Керети и по лѣшимъ озеромъ въ рыбной ловлѣ доли за ними не было, и оброка съ ихъ дворовъ не шло ничего". Бобыли били челомъ государю, „чтобъ имъ въ рѣкѣ Керети рыба ловити, и въ луковыхъ угодьяхъ промышляти—сѣна косити, и на морскихъ топяхъ и по лѣшимъ озеромъ рыба ловити, а съ своихъ бы имъ дворовъ давати царю и великому князю тотъ же оброкъ какъ и съ иныхъ дворовъ и съ рыбные ловли *съ волостными людми ровно*". Государь удовлетворилъ ихъ челобитье, разрѣшилъ имъ заниматься рыбными и лѣсными промыслами подъ условіемъ, „государевы подати съ дворовъ и съ угодей давати съ волостными людми ровно" [1]). Здѣсь бобыли отличены отъ тяглыхъ непашенныхъ людей, владѣющихъ взамѣнъ пашни различными угодьями и уплачивающихъ съ нихъ государственныя подати. За бобылями не было такихъ угодій, а потому они и не отбывали тягла. Но какъ только они получили право пользоваться угодьями, они вмѣстѣ съ тѣмъ перешли и въ разрядъ тяглыхъ людей. Аналогичные факты въ гораздо большемъ числѣ могутъ быть отмѣчены въ XVII вѣкѣ. Въ боярскихъ и монастырскихъ вотчинахъ переводъ бобылей въ крестьяне имѣлъ мѣсто съ согласія и по распоряженіямъ или самихъ вотчинниковъ, или ихъ приказныхъ людей. Сохранилась, напримѣръ, слѣдующая любопытная запись распоряженія приказныхъ людей, завѣдывавшихъ хозяйствомъ Суздальскаго Покровскаго монастыря. „Села Хрепелева, въ деревнѣ Бердюковѣ живетъ бобыль Петрушка Терентьевъ у крестьянина у Лаврушки у Гаврилова сына, и того бобыля по приказу Воина Лукьяновича да подьячего Богдана Григорьева велѣно въ нынѣшнемъ во 139 году перевесть въ деревню Меркушино въ пустой дворъ, на пашню, на Васкинъ жеребей Епифантьева, что нынѣ бѣгая живетъ за Путиломъ Козловымъ". А вотъ и подлинный приказъ, подписанный на челобитной: „139 апрѣля въ 25 день въ село Глятково старостѣ Симону Зиновьеву да цѣловалнику Ѳедкѣ Ортемьеву. По сей челобитной села Гляткова бобылю Ивашку Ѳедорову, будетъ онъ съ крестьянина съ Васки Иванова тягло шестую долю выти снимаетъ, а Васки Иванова со все тягло не будетъ, и тягла своего и земли

[1]) Грамоты Коллегіи Экономіи, по Двинскому уѣзду, № 101/4183.

будетъ шестую долю бобылю Ивашку здаетъ полюбовно, и тое шестую долю выти земли у Васки Иванова велѣть отвесть въ тягло бобылю Ивашку Ѳедорову и тягло платить и издѣлье дѣлать съ тое шестухи бобылю Ивашку Ѳедорову“ [1]). Какъ затруднителенъ бывалъ такой переходъ, показываетъ первый изъ отмѣченныхъ случаевъ. У бобыля Петрушки Терентьева, которому приказано было переселиться на крестьянскій жеребей, не оказалось ни сѣмянъ, ни лошади. Онъ очевидно указалъ на невозможность приняться за крестьянское хозяйство, на что послѣдовало такое рѣшеніе: „по сей челобитной, смѣтясь съ монастырскими сѣмены, только будетъ овсяныхъ сѣменъ съ монастырскую пашню, а за сѣмены въ остаткѣ овса будетъ, и бобылю Петрушкѣ Терентьеву овса на сѣмена велѣть дать, чѣмъ ево жеребей осѣменить и запахать велѣть крестьяны, потому что теперво у нево Петрушки лошади нѣтъ“ [2]).

Такія колебанія въ положеніи бобылей, представляющія несомнѣнный интересъ для изслѣдователя, осложняютъ однако наблюденія и затрудняютъ выводы, такъ какъ и бобыль, превратившійся въ захребетника, и бобыль, сдѣлавшійся пашеннымъ крестьяниномъ и тяглымъ человѣкомъ, обыкновенно продолжаютъ именоваться бобылями, хотя съ перемѣной положенія утрачивали характерныя черты бобыльства. По нашему мнѣнію ни бобыли захребетники, ни пашенные бобыли вовсе не типичные представители бобыльства; это лишь застывшіе намеки на происшедшія въ положеніи бобылей перемѣны. Типичною и господствующею формой бобыльства, какъ уже сказано, мы считаемъ бобылей не пашенныхъ и не тяглыхъ, имѣвшихъ собственную усадебную осѣдлость.

Какое же бытовое и государственное значеніе пріобрѣтало бобыльство въ XVI вѣкѣ? Сколько нибудь твердый отвѣтъ на этотъ вопросъ могли бы дать лишь числовыя данныя о разрядахъ тяглаго и нетяглаго населенія въ Московскомъ государствѣ за XVI вѣкъ. Но этихъ данныхъ у насъ нѣтъ. Писцовыя книги XVI вѣка сохранились лишь въ очень незначительномъ количествѣ. Ихъ итоги могутъ поэтому служить лишь примѣрными указаніями процентнаго отношенія бобылей къ крестьянамъ и то за разные годы второй половины XVI вѣка и притомъ для разныхъ мѣстностей. Эти примѣрные указанія заставляютъ прежде всего отнестись съ сомнѣніемъ къ высказанному

---

[1]) Румянцевскій музей, Акты Гарелина п. Г, л. 9 и п. Д, л. 10; ср. А. Ю. № 68 (1666 г.).

[2]) Тамъ же, п. Д, отдѣленіе 2, л. 23.

въ литературѣ мнѣнію, что „въ XVI вѣкѣ бобылей было еще не много“. Процентное отношеніе бобыльскихъ дворовъ къ крестьянскимъ въ Вотской пятинѣ (74 двора бобыльскихъ на 809 дворовъ крестьянскихъ) вовсе не является максимальнымъ для XVI вѣка [1]).

Изъ прилагаемой таблицы видно, что въ вотчинахъ Троицкаго Сергіева монастыря по книгамъ 7101—7102 годовъ число бобыльскихъ дворовъ въ составѣ населенія колебалось между 2,6%—16,6%. На помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ частныхъ владѣльцевъ въ четырехъ уѣздахъ наблюдается колебаніе отъ 6,3% до 41,8% [2]). На

---

[1]) *Бѣляевъ*, Крестьяне на Руси, изд. 2, стр. 76. Итоги писцовыхъ книгъ XVI вѣка о количествѣ бобыльскихъ и крестьянскихъ дворовъ приведены *П. А. Соколовскимъ*, Экономическій бытъ, стр. 17, примѣч.

[2]) *Троицкаго Сергіева монастыря:*

Годъ:	Уѣздъ:	Крестьянскіе дворы:	Бобыльскіе дворы:	%	Источникъ: Писц. кн. XVI вѣка.
7102	Угличскій	477	13	2,6	т. II, 33
7101	Дмитровскій	917	40	4,1	т. I, 786
„	Ростовскій	497	23	4,4	т. II, 23
7102	Пошехонскій	62	3	4,6	„ 39
„	Старицкій	151	10	6,2	„ 409
„	Звенигородскій	107	7	6,1	т. I, 693
7101	Суздальскій	670	49	6,8	„ 858 и 872
„	Переяславль-Залѣскій	809	62	7,1	„ 850
7102	Рузскій	63	5	7,3	„ 659
„	Коломенскій	145	11	7	„ 609—611
?	Ярославскій	207	17	7,6	т. II, 8
7101	Владимірскій	473	53	10,1	т. I, 808
„	Юрьевъ-Польскій	363	45	11	„ 854
„	Костромской	888	121	11	„ 918
7102	Бѣлозерскій	28	5	15,1	т. II, 419
„	Московскій	1424	256	15,2	т. I, 277—290
7101	Муромскій	332	66	16,6	„ 892
	Вотчины и помѣстья разныхъ владѣльцевъ:				
7103	Орловскій въ 3 станахъ	752	52	6,3	т.II,1011,1032и1072
7096	Каширскій	2778	279	9,1	„ 1534 и 1537
7102	Вяземскій	3352	737	18	„ 821
7096	Тульскій	1408	1015	41,8	„ 1259
	Вотчины разныхъ монастырей:				Грам. Колл. Экон.
7093	Бѣлевскій (Спасскаго)	49	3	5,7	№ 2/1462
7089	Бѣлозерскій (Троицкаго Сергіева)	167	21	11,1	№ 156/857
7084	Нижегородскій (Печерск.)	109	20	15,5	№ 28/7969
7108	Костромской (Ипатскаго)	692	197	22,1	№ 180/5147

вотчинныхъ земляхъ разныхъ монастырей въ четырехъ уѣздахъ число бобыльскихъ дворовъ колеблется въ предѣлахъ 5,7—22,1%. Возрастало или уменьшалось соотношеніе между бобыльскими и крестьянскими дворами въ теченіи XVI вѣка, нельзя сказать съ точностью. Въ виду того, что памятники второй половины вѣка гораздо чаще говорятъ о бобыляхъ, чѣмъ памятники первой половины, можно предположить, что и самое явленіе сдѣлалось болѣе обыденнымъ. Отдѣльные случаи подтверждаютъ это предположеніе. По писцовой книгѣ 1581—1582 годовъ Деревской пятины за старыми и новыми помѣщиками числилось 70 живущихъ бобыльскихъ дворовъ на 194 двора крестьянскихъ; первые составляли 26,5%. Если же принять во вниманіе и пустые дворы, то отношеніе уменьшится до 12,2%, такъ какъ 130 дворовъ бобыльскихъ приходилось на 929 дворовъ крестьянскихъ. Значитъ относительное число бобыльскихъ дворовъ увеличилось болѣе чѣмъ въ 2 раза. Почти тоже наблюдается и въ монастырскихъ вотчинахъ той же пятины: въ нихъ жилые бобыльскіе дворы составляли 28,6% (116 дворовъ бобыльскихъ на 286 дворовъ крестьянскихъ), тогда какъ совокупность жилыхъ и пустыхъ бобыльскихъ дворовъ дастъ только 18,6% (121 дворъ бобыльскій на 528 дворовъ крестьянскихъ) [1]). Точно также по писцовой книгѣ Вотской пятины 1582 года жилыхъ дворовъ показано: крестьянскихъ 809, бобыльскихъ 74; совокупность же жилыхъ и пустыхъ дворовъ равняется: 2.457 дворовъ крестьянскихъ и 145 дворовъ бобыльскихъ. Значитъ относительное число бобыльскихъ дворовъ возросло съ 5,5% до 8,3% [2]).

Было бы конечно рискованно утверждать, что указанные случаи выражаютъ собою общее правило, приложимое ко всѣмъ мѣстностямъ Московскаго государства во второй половинѣ XVI вѣка. Гораздо болѣе опредѣленный отвѣтъ получается при сравненіи относительнаго количества бобыльскихъ дворовъ въ концѣ XVI вѣка и въ 20-хъ и 30-хъ годахъ XVII вѣка. Уже a priori слѣдуетъ допустить, что бѣдствія смутнаго времени отразились на экономическомъ положеніи населенія. Офиціальные документы, въ родѣ постановленія земскаго собора 1619 года, свидѣтельствуютъ о повсемѣстномъ упадкѣ хозяйственной обезпеченности тяглыхъ плательщиковъ. Вышеприведенныя указанія дозорныхъ книгъ 20-хъ годовъ XVII вѣка наглядно рисуютъ

[1]) Архивъ Министерства Юстиціи, книга 302, № 10/10, лл. 278—280 и 993 и слѣд.; ср. *Неволинъ*, О пятинахъ, приложеніе, 252 и 255.

[2]) *Временникъ*, кн. 6, матеріалы, стр. 52.

цѣлый рядъ случаевъ разоренія крестьянскаго хозяйства и превращенія крестьянъ въ бобылей. Отдѣльные примѣры даютъ любопытную иллюстрацію результатовъ этого экономическаго процесса. Въ вотчинахъ богатѣйшаго изъ монастырей Троицкаго Сергіева по Дмитровскому уѣзду въ концѣ XVI вѣка числилось всего 40 бобыльскихъ дворовъ на 917 дворовъ крестьянскихъ. По книгамъ 135—137 годовъ въ тѣхъ же вотчинахъ показано 207 дворовъ бобыльскикъ на 220 дворовъ крестьянскихъ и сверхъ того тамъ же числилось 49 дворовъ монастырскихъ служебниковъ, 56 дворовъ монастырскихъ дѣтенышей и 22 двора нищихъ [1]). Значитъ относительное число бобыльскихъ дворовъ возрасло съ 4,1% почти до 48,4%, не считая вновь возникшихъ дворовъ монастырскихъ служебниковъ, дѣтенышей и нищихъ. У того же монастыря въ вотчинахъ Углицкаго уѣзда къ концу XVI вѣка числилось 13 бобыльскихъ дворовъ на 477 дворовъ крестьянскихъ; по Углицкой же писцовой книгѣ 30-хъ годовъ XVII вѣка показано: 145 дворовъ бобыльскихъ на 111 дворовъ крестьянскихъ и сверхъ того 55 дворовъ дѣтенышей и 142 пустыхъ двора; относительное число бобыльскихъ дворовъ возрасло съ 2,6% до 56,6% [2]).

Такіе результаты писцовыхъ описей быть можетъ отчасти подкрашены вслѣдствіе офиціально засвидѣтельствованныхъ злоупотребленій со стороны землевладѣльцевъ разныхъ категорій, которые „крестьянъ своихъ писали для тягла бобылями“. Но и подобныя злоупотребленія были возможны именно вслѣдствіе значительнаго количества разоренныхъ крестьянскихъ хозяйствъ. Итоги писцовыхъ книгъ второй четверти XVII вѣка не оставляютъ сомнѣнія въ значительномъ увеличеніи числа бобыльскихъ дворовъ на счетъ крестьянскихъ: число первыхъ или почти равняется числу вторыхъ или даже превышаетъ его. Такъ, въ Бѣлевскомъ уѣздѣ по книгамъ 7136—7138 годовъ числилось:

	Крестьянскихъ дворовъ.	Людей въ нихъ.	Бобыльскихъ дворовъ.	Людей въ нихъ.	Пустыхъ дворовъ.
въ помѣстьяхъ	474	1261	690	1390	288
въ вотчинахъ.	172	497	225	549	102

[1]) См. выше стр. 13, примѣч. 2 и стр. 19, примѣч. 2; Грамоты Коллегіи Экономіи, по Дмитровскому уѣзду, № 192/3904, лл. 270—274.

[2]) Писцовыя книги XVI вѣка. Отд. II, стр. 33 и Углицкія писцовыя книги XVII вѣка, изд. во Временникѣ Демидовскаго Юридическаго Лицея, стр. 182.

за монастырями	58	95	64	80	7
за церквами	4	10	8	15	1
Всего . . .	708	1863	987	2034	398

Въ Угличкомъ уѣздѣ по книгамъ того же времени въ итогѣ показано:

въ помѣстьяхъ	462	751	411	569	69
въ вотчинахъ.	361	643	305	535	130
за монастырями	363	527	358	554	231
Всего. . .	1186	1921	1074	1658	430 [1])

Такіе результаты народосчисленія не могли не встревожить московскаго правительства: они указывали, что изъ среды тяглецовъ отпадала половина населенія. Правительство отнеслось сначала съ недовѣріемъ къ показаніямъ дозорныхъ описей и назначило по отдѣльнымъ мѣстностямъ провѣрку. Но или предпринятыя провѣрки дали немного успокоительныхъ выводовъ, или правительство признало, что и провѣрочныя описи не представляютъ гарантій бо́льшей точности. И дѣйствительно, какія мѣры могло рекомендовать московское правительство для отличія среди массы разоренныхъ хозяйствъ отдѣльныхъ случаевъ злоупотребленій? Находясь въ такомъ положеніи, нуждающееся въ усиленныхъ финансовыхъ средствахъ правительство рѣшилось сдѣлать шагъ къ открытію новыхъ источниковъ обложенія: привлечь къ отбыванію государственнаго тягла до тѣхъ поръ нетяглое бобыльское населеніе. Таковы, по нашему мнѣнію, главные мотивы указовъ о живущей четверти.

Вопросъ о возникновеніи и значеніи новой окладной единицы—живущей четверти—лишь недавно поставленъ въ исторической литературѣ и до сихъ поръ не поддавался удовлетворительному объяс-

[1]) Бѣлевская Вивліоѳика т. II, 277—285; Углицкія писцовыя книги XVII вѣка, 615—618. Въ итогахъ тульской писцовой книги 1628—1639 гг. указано 845 дворовъ крестьянъ и 565 дворовъ бобылей, то-есть 1410 живущихъ дворовъ и 220 пустыхъ вмѣсто 2423 дворовъ по писцовой книгѣ XVI вѣка. Бобыльскіе дворы составляютъ 40,1% населенія; значитъ увеличенія бобылей въ составѣ населенія по Тульскому уѣзду не наблюдается, очевидно вслѣдствіе того, что и въ XVI вѣкѣ процентъ безпашеннаго населенія былъ очень высокъ—41,8% *Е. Щепкина*, Тульскій уѣздъ, въ XVII вѣкѣ, стр. 94—96. Ср. еще *А. С. Лаппо-Данилевскій*, l. c., приложеніе III.

ненію [1]). Высказанныя о живущей четверти мнѣнія вызвали рядъ возраженій, которыя не устранены, и въ настоящее время вопросъ остается лишь поставленнымъ, но не рѣшеннымъ. Не входя въ разсмотрѣніе всѣхъ контраверзъ, остановимся лишь на мнѣніяхъ о возникновеніи живущей четверти. Согласно впервые предложенному объясненію московское правительство вскорѣ послѣ смуты пришло къ сознанію неудовлетворительности поземельнаго налога: „малое количество обработанной пашни доводило взимаемыя съ нея подати до незначительныхъ размѣровъ: повысить налогъ на эту пашню—значило окончательно убить земледѣліе и разорить населеніе; оставить его въ прежнемъ видѣ тоже было невозможнымъ, потому что онъ не позволялъ захудалымъ крестьянамъ вновь приняться за пашню, съ которой имъ на первыхъ порахъ его уплатить было бы нечѣмъ". Въ виду этого у правительства и явилась мысль о замѣнѣ поземельнаго налога подворною податью. „Замѣна эта произошла, однако, не сразу. Слишкомъ рѣзкій переходъ отъ сохи къ двору, какъ податной единицѣ, смягчился тѣмъ, что облагаться стало не каждое отдѣльное хозяйство, а небольшая сумма такихъ хозяйствъ"—составившихъ живущую четверть [2]). Совершенно инымъ представляется процессъ возникновенія послѣдней по второму изъ предложенныхъ объясненій. Причина, вызвавшая реформу, указывается не въ упадкѣ земледѣлія и уменьшеніи запашекъ, а въ явленіи совершенно обратномъ—въ подъемѣ земледѣльческихъ хозяйствъ и въ увеличеніи запашекъ. Живущая четверть распаханной пашни въ отличіе отъ пустой явилась платежною единицей еще въ концѣ XVI вѣка въ окраинныхъ уѣздахъ, такъ какъ тамъ размѣръ этой пашни былъ столь ничтоженъ, что его нельзя было выразить даже въ самыхъ мелкихъ дробяхъ сохи. При разореніи смутнаго времени на положеніи окраинъ оказались и центральныя мѣстности, гдѣ также пришлось различать

---

[1]) Впервые указалъ на живущую четверть, какъ новую окладную единицу, *В. О. Ключевскій* въ статьѣ „Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи", *Русская Мысль*, 1885, X, 12—13. Первый опытъ объясненія ея предложилъ *А. С. Лаппо-Данилевскій*, Организація прямаго обложенія, 243—255. Серьезныя возраженія на это мнѣніе и рядъ новыхъ соображеній о живущей четверти предложилъ *П. Н. Милюковъ*, Государственное хозяйство, 17—23, и Спорные вопросы, 115—123. См. еще: *Е. Щепкина*, Тульскій уѣздъ въ XVII вѣкѣ, стр. XXVI—XXX; нашу замѣтку въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1893 г., 217—224; *И. Н. Миклашевскій*, Къ исторіи хозяйственнаго быта Московскаго государства, стр. 40—47.

[2]) *А. С. Лаппо-Данилевскій*, l. c., 244—245.

живущее и пустое и разрѣшить платежи только съ живущей пашни. Но съ измѣненіемъ условій, когда окраины перестали быть таковыми, а центральныя мѣстности оправились послѣ разоренья, указанныя льготы потеряли свое значеніе. Если правительство не вернулось къ прежнему обложенію полнаго сошнаго письма изъ боязни слишкомъ обременить плательщиковъ, если оно не могло, далѣе, отдѣлить дѣйствительно обработанной земли отъ несомнѣнно пустой по недостатку точныхъ данныхъ, то оставался одинъ способъ опредѣлить платежную способность каждаго владѣнія: количествомъ поселенныхъ въ его предѣлахъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. „По особому свойственному Московскому государству консерватизму, московское правительство оставило старое названіе „живущей четверти пашни“, но приравняло ее опредѣленному количеству дворовъ и, такимъ образомъ, получило новую окладную единицу, столь же мало похожую на прежнюю, какъ мало походила соха, опредѣленная извѣстнымъ количествомъ четвертей, на старую соху—единицу рабочей силы“ [1]).

Въ другомъ мѣстѣ нами было указано, что́ въ предложенныхъ объясненіяхъ живущей четверти представляется, на нашъ взглядъ, неправильнымъ или неяснымъ. Здѣсь слѣдуетъ лишь замѣтить, что привлеченіе бобылей къ тяглому обложенію неизбѣжно вынудило московское правительство отказаться отъ сошнаго обложенія и перейдти къ дворовому, такъ какъ у бобылей никакой запашки не было, а единственнымъ ихъ имуществомъ, могущимъ подлежать обложенію, былъ дворъ. Естественно также, что новыя правила окладнаго счета не могли примѣняться къ однимъ лишь бобылямъ, а должны были распространиться и на крестьянъ, такъ какъ именно съ ними, какъ съ тяглыми людьми, нужно было сопоставить до тѣхъ поръ нетяглыхъ бобылей. Значительное увеличеніе бобыльства въ составѣ населенія, и въ частности возрастаніе процентнаго отношенія бобылей на счетъ тяглаго населенія, побудило московское правительство приступить къ измѣненію существовавшей системы податнаго обложенія. Первымъ общимъ опытомъ податной реформы были указы о живущей четверти 1630—1631 годовъ.

Эти указы въ свою очередь произвели глубокую перемѣну въ юридическомъ положеніи бобылей, перечисливъ ихъ изъ разрядовъ нетяглаго населенія въ число тяглыхъ людей.

---

[1]) *П. Н. Милюковъ*, Спорные вопросы, 116—117.

Московское правительство однако не рѣшилось сразу сравнять бобылей съ крестьянами въ размѣрахъ тягла, а потому въ указахъ бобыльскій дворъ, какъ составная часть окладной единицы, приравненъ половинѣ двора крестьянскаго: „гдѣ крестьянскихъ дворовъ не достанетъ, гласятъ указы, и тутъ *положитъ за одинъ дворъ крестьянской по два двора бобыльскихъ*“ [1]). Бобыльскимъ дворамъ приравнены до тѣхъ поръ также нетяглые дворы мастеровыхъ и торговыхъ людей и бѣлопашцевъ, живущихъ за помѣщиками и вотчинниками.

Но фактическое положеніе бобылей едва ли могло существенно измѣниться подъ вліяніемъ упомянутыхъ указовъ, которые гораздо больше касались землевладѣльцевъ разныхъ категорій, чѣмъ проживающихъ въ ихъ имѣніяхъ нетяглыхъ людей разныхъ наименованій, такъ какъ податная отвѣтственность за послѣднихъ всецѣло ложилась на первыхъ.

Такъ прежде всего эти указы отнюдь не превратили бобылей въ пашенныхъ людей, хотя и облегчили для бобылей возможность приняться за соху. Послѣ указовъ 1630—1631 годовъ переходъ изъ разряда непашенныхъ людей въ разрядъ пашенныхъ уже не влекъ за собой перечисленія въ составъ тяглаго населенія; а званіе бобыля и непашеннаго человѣка не освобождало отъ тяглыхъ обязанностей, какъ было до тѣхъ поръ. Главнымъ признакомъ способности къ отбыванію тягла теперь является усадебная осѣдлость.

Наблюденія дѣйствительно подтверждаютъ, что и послѣ указовъ 1630—1631 годовъ въ составѣ бобыльскаго населенія пашенные люди вовсе не составляютъ преобладающаго элемента. Такъ напримѣръ изъ 95 бобыльскихъ порядныхъ (въ томъ числѣ 37 изданныхъ) только въ 20 встрѣчаются указанія, что бобыли поряжаются на пашню. Ко времени до изданія указовъ 1630—1631 годовъ изъ всѣхъ 95 бобыльскихъ порядныхъ относятся только восемь, и лишь въ одной изъ нихъ стоитъ прямое обязательство „пашня пахати“ [2]). Въ большинствѣ-же порядныхъ о пашнѣ вообще не упоминается.

Кромѣ порядныхъ и другіе памятники, въ томъ числѣ и офи-

---

[1]) См. выше стр. 4, прим. 1.

[2]) А. Ю. № 193; Акты о тягломъ населеніи, вып. I, №№ 6, 7, 12, 16 и 18; книга Вотчинной Конторы по гор. Пскову, № $\frac{78}{1620}$, № 5 (135 апрѣля 28); такая же книга № $\frac{80}{1622}$, № 19 (137 іюля 16). Въ послѣдней порядчикъ указываетъ, что „живетъ за Рождествомъ Христовымъ изъ Довмантовой стѣны седьмой годъ въ бобылехъ“ и поряжается на повытокъ, гдѣ жилъ крестьянинъ. Повидимому здѣсь мы имѣемъ одинъ изъ случаевъ перехода бобылей въ крестьяне.

ціальные, подтверждаютъ тотъ-же выводъ, то-есть, что бобылемъ считается преимущественно непашенный человѣкъ. Напримѣръ въ наказѣ 1632 года объ управленіи вотчиной Суздальскаго Покровскаго монастыря стоитъ такое предписаніе прикащику: „а которыя выти пустыя, а старыхъ жильцовъ не сыщетъ, и Ѳедору на тѣ пустыя доли называти жилцовъ, непахотныхъ крестьянъ или бобылей, охочихъ людей". Или: въ грамотѣ 1664 года Шуйскому воеводѣ сказано, что прикащику дворцоваго села Дунилова, Семену Коробову, велѣно „старинныхъ дворцовыхъ бѣглыхъ крестьянъ", которые выбѣжавъ живутъ въ Шуѣ на посадѣ, вывесть на прежніе тяглые жеребьи. Оказалось, что въ Шуѣ живутъ двое непашенныхъ крестьянъ села Дунилова, „а родилися они въ селѣ Дуниловѣ и жили въ бобыляхъ". Вслѣдствіе просьбы этихъ крестьянъ государь предписалъ: „и ты бъ непашенныхъ крестьянъ Мишку да Гришку Васильевыхъ съ братіею съ Шуи съ посаду въ наше дворцовое село Дунилово свозить не велѣлъ, потому что они въ селѣ Дуниловѣ жили въ бобыляхъ. А которые наши бѣглые села Дунилова пашенные крестьяне, и живутъ нынѣ въ Шуѣ на посадѣ, а тяглые жеребьи ихъ пусты, и о тѣхъ учинить по прежнему нашему великаго государя указу" [1]).

Сверхъ того слѣдуетъ имѣть въ виду, что новый окладной счетъ на живущія четверти повидимому былъ примѣненъ не повсемѣстно. Такъ въ Сибири и въ поморскихъ уѣздахъ сохраненъ прежній сошный окладъ. Естественно, что въ мѣстностяхъ, гдѣ сохранена прежняя система оклада, и бобыли остались въ прежнемъ положеніи нетяглыхъ и непашенныхъ людей по крайней мѣрѣ до введенія дворовой подати въ чистомъ видѣ. Рядъ отдѣльныхъ наблюденій отчасти подтверждаетъ такую догадку.

Относительно Сибири, напримѣръ, имѣется рядъ указаній, что въ теченіи по крайней мѣрѣ первыхъ трехъ четвертей XVII вѣка бобыли считались непашенными и нетяглыми и въ этомъ смыслѣ противополагались крестьянамъ. Такъ въ 1632 году Верхотурскій воевода сообщилъ въ Москву, что „изъ вольныхъ изъ охочихъ людей прибрати некого, гулящихъ и охочихъ людей на государеву пашню на Верхотурьѣ никого нѣтъ; а которые вольные гулящіе люди приходили въ Сибирь на Верхотурье и жили въ наймѣхъ, а иные въ бобыляхъ и въ захребетникахъ, и пашни небольшіе на себя припахивали, и тѣ всѣ посажены во крестьяне на льготу *сильно*". О всѣхъ

---

[1]) А. Э., III, № 217; *Гарелинъ*, Старинные акты г. Шуи, № 92.

этихъ бобыляхъ и захребетникахъ, посаженныхъ силою во крестьянство, воевода указалъ, что они „всѣ бѣдны, безсемейны и пашеннымъ заводомъ не заводны“ [1]). Въ 1666 году Верхотурскій воевода предписалъ прикащику Пышминской слободы построить на рѣкѣ Пышмѣ новый острогъ (Камышловъ) и „прибирать на то новое мѣсто въ крестьяне и въ бѣломѣстные казаки вольныхъ охочихъ и гулящихъ и всякихъ прихожихъ людей и изъ иныхъ слободъ *бобылей и захребетниковъ, а не тяглыхъ людей*“ [2]). Или еще: въ 1679 году Верхотурскій воевода доносилъ въ Москву, сколько оказалось всякихъ людей за Невьянскимъ Богоявленскимъ монастыремъ сверхъ переписныхъ книгъ 167 года; воевода показываетъ сначала число крестьянскихъ дворовъ и количество пашни за ними въ десятинахъ и далѣе отмѣчаетъ: „да десять человѣкъ бобылей съ дѣтьми, *пашни не пашутъ и никакихъ податей* въ монастырь не платятъ“ [3]).

Бобылей съ подобными-же чертами встрѣчаемъ и въ Заонежскихъ погостахъ. Въ 1649 году Олонецкій воевода, донося о мѣрахъ къ построенію острога и о заселеніи его, между прочимъ сообщаетъ, что онъ написалъ „изъ розныхъ погостовъ съ малыхъ участковъ крестьянъ, а иныхъ изъ бобылей въ пушкари“ [4]). Здѣсь бобыли противополагаются крестьянамъ съ малыхъ участковъ. Въ другихъ случаяхъ они противополагаются тяглымъ людямъ. Такъ въ наказѣ сыщику Ивану Золотареву, отправленному для сыска бѣглыхъ крестьянъ заонежскихъ погостовъ, велѣно вывозить сошлыхъ крестьянъ, „которые написаны въ писцовыхъ книгахъ и которые въ писцовыхъ книгахъ не написаны, а написаны отцы ихъ“; а сыскавъ, велѣно ихъ распрашивать, „старинные ли они заонежскихъ погостовъ жильцы и въ писцовыхъ книгахъ за государемъ они или отцы ихъ въ заонежскихъ погостахъ написаны, и въ которомъ погостѣ и въ деревнѣ, *и на тяглом ли участкѣ или въ бобыляхъ написаны*“. Точно также другой сыщикъ Иванъ Кобыльскій указываетъ въ 1654 году, что у него въ наказѣ написано о распросѣ крестьянъ и бобылей, „на тяглом ли они участкѣ живутъ или въ бобылехъ“. Въ росписи о высланныхъ въ Олонецъ крестьянахъ и бобыляхъ между прочимъ упо-

---

[1]) А. И., т. III, № 172.

[2]) *Н. К. Чупинъ.* Географическій и статистическій словарь Пермской губ., т. II, 26; *Шишенко*, Пермская лѣтопись, т. III, 799.

[3]) Д. къ А. И., т. VIII, № 48, III.

[4]) Д. къ А. И., т. III, № 64, I.

мянуто: „сыскано въ государевыхъ дворцовыхъ селехъ и въ черныхъ волостехъ *въ бобылехъ не въ тяглѣ 12 семей*“ [1]).

О бобыляхъ поморскихъ уѣздовъ прежде всего сохранились любопытныя указанія въ книгѣ 1648 года о вывезенныхъ на старыя мѣста бѣглыхъ усольскихъ посадскихъ и уѣздныхъ людяхъ и Обвинскаго, Ильвенскаго и Косьвенскаго стана крестьянахъ, „которые бѣгая жили Вознесенскаго и Пыскорскаго монастырей и Ѳедора и Андрея и Данила Строгановыхъ въ вотчинахъ и Томила Елисѣева и племянниковъ его въ слободахъ“. Въ числѣ вывезенныхъ упоминаются нерѣдко и бобыли; о каждомъ изъ нихъ сообщаются данныя, когда и откуда сбѣжалъ, за кѣмъ жилъ, какія подати платилъ раньше и обязанъ платить впредь. Напримѣръ: „вывезенъ изъ вотчины Пыскорскаго монастыря Усольской бѣглой бобыль Ивашко Ивановъ сынъ Кокшаръ въ 156 году въ Усольской уѣздъ, въ деревню Шубину и посаженъ жить въ старой его дворъ по прежнему и порушная запись по немъ въ житьѣ и въ государевѣ тяглѣ взята. А въ сыску у записки Ивашко сказалъ: въ прошломъ во 147 году изъ деревни Шубины отъ бѣдности сбѣжалъ и жилъ бѣгая на Сылвѣ въ вотчинѣ Пыскорскаго монастыря въ крестьянехъ; а въ Усольскомъ уѣздѣ жилъ онъ въ бобыляхъ, кормился работою, а государевы подати на немъ у Соли не было. А положена на него нынѣ вновь подать бобыльская по гривнѣ на годъ“ [2]). Хотя съ бобылей и бралась порчная запись „въ государевѣ тяглѣ“, но они обложены были лишь бобыльской податью, то-есть обычнымъ бобыльскимъ оброкомъ. Съ подобнымъ же порядкомъ податнаго обложенія бобылей встрѣчаемся и въ другихъ мѣстностяхъ поморскихъ уѣздовъ. Такъ въ сотной выписи Гледенскаго монастыря 1630 года упомянутъ Петровскій погостъ и на погостѣ „дворцы бобыльскіе — живутъ на монастырской землѣ, а платятъ въ государеву казну оброкъ, а на монастырь дѣлаютъ издѣлье всякое... (перечислены 10 дворовъ). Стараго оброку рубль, зъ дворца по гривнѣ, да новые наддачи зъ дворца по 4 деньги“. Точно также бобыли, приписанные къ Брусенской пустыни, къ церкви Соловецкихъ Чудотворцевъ въ 1640 году, должны были по истеченіи

---

[1]) Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, Приказныя дѣла, № 14 (1642—1646 гг.); Д. къ А. И., III, № 82, V и VII.

[2]) Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, книга по г. Соликамску, № 1, л. 343—344; совершенно подобныя-же данныя еще лл. 384, 392—393, 395, 403, 407, 418, 420, 423, 424, 425, 437, 477.

10 льготныхъ лѣтъ „платить великому государю оброку по 10 алтынъ на годъ съ двора", давать руги по три мѣры ржи, привозить по сажени дровъ, „да имъ же бобылямъ на попа и на крилошанъ всякое издѣлье дѣлать противъ записей" [1]). Бобыли платятъ оброкъ и не несутъ тягла конечно потому, что не владѣютъ тяглымъ имуществомъ. Это ясно отмѣчено въ наказѣ доводчику отъ властей Соловецкаго монастыря 1679 года о сборахъ въ его пользу съ населенія трехъ волостей, принадлежащихъ Соловецкому монастырю. „Которые тяглые люди, сказано здѣсь, и тѣмъ давати по два алтына съ двора на годъ; а бобыли, которые своими дворами живутъ, а тяглого никакого сгодья за собой не держатъ, и тѣмъ давати по десяти денегъ съ двора на годъ" [2]).

Относительно поморскихъ уѣздовъ имѣется еще одинъ чрезвычайно любопытный документъ: грамота Вятскому воеводѣ 1656 года мая 22-го. Изъ нея видно, что вятскій земскій староста подалъ отъ лица тяглыхъ людей жалобу на волостныхъ оброчныхъ и погостскихъ бобылей и на церковныхъ крестьянъ, что они живутъ „въ станѣхъ и на погостѣхъ и въ деревняхъ и въ починкахъ и по отъѣзжимъ мелницамъ *на малыхъ годовыхъ оброчкахъ*, а иные живутъ на церковныхъ земляхъ и платятъ съ деревень и съ починковъ по погостамъ, съ дворовъ въ волости и къ церквамъ, малые же годовые оброки по 2 алтыны и по 3 алтыны, а съ оброчныхъ деревень платятъ годовые же оброки въ съѣзжую избу, а съ ними Вятчаны тяглыми людми въ земскую избу" ни въ чемъ не помогаютъ. Вслѣдствіе этой жалобы государь предписалъ воеводѣ: „ты бъ волостнымъ оброчнымъ и погостскимъ бобылямъ и церковнымъ крестьяномъ наши стрѣлецкіе и ямскіе и оброчные денги велѣлъ платить по писцовымъ книгамъ; а новоприбылые тягла, въ подмогу даточнымъ людямъ и на иные на всякіе росходы, которые прибыли вновѣ послѣ писцовъ, и въ тѣ росходы велѣлъ съ нихъ сбирать по переписнымъ книгамъ, чтобъ никто въ избылыхъ не былъ" [3]). Изъ грамоты ясно видно, что бобыли никакого участія въ отбываніи тягла не принимали, что и вызвало жалобу со стороны тяглыхъ людей. Правительство распорядилось вятскихъ бобылей привлечь къ несенію тяглыхъ обязанностей по писцовымъ и переписнымъ книгамъ. Это такимъ образомъ мѣстный законъ. Какъ

[1]) Русская Историческая Библіотека, XIV, 931—932; тамъ-же, XII, 460.
[2]) А. Э., IV, № 232; ср. уставную грамоту 1548 г. въ А. Э., I, № 221.
[3]) Д. къ А. И., т. IV, № 23.

онъ былъ проведенъ на практикѣ, какимъ образомъ бобыли начали платить тягло по писцовымъ книгамъ безъ примѣненія указовъ о живущей четверти,—объ этомъ мы никакихъ указаній не имѣемъ.

Только что приведенные факты подтверждаютъ, полагаемъ, высказанную догадку, что фактическое, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и юридическое, положеніе бобылей осталось безъ перемѣнъ и послѣ указовъ о живущей четверти. Полное выясненіе этого вопроса потребовало бы данныхъ, какими въ настоящее время мы не располагаемъ.

Въ заключеніе настоящаго очерка будетъ не лишнимъ отмѣтить нѣсколько бытовыхъ чертъ въ положеніи бобылей. До сихъ поръ самыми характерными чертами бобыльства были выставлены отрицательные признаки: бобыли пашни не имѣютъ и тягла не тянутъ. Въ чемъ-же ихъ бытовыя особенности?

Памятники XVI вѣка сообщаютъ объ этомъ чрезвычайно мало данныхъ. Только съ помощью позднѣйшихъ свидѣтельствъ XVII вѣка можно указать и то лишь нѣкоторыя черты изъ ихъ быта.

Выше было уже обращено вниманіе на то, что собственная усадебная осѣдлость является признакомъ общимъ для главной массы бобылей. „Дворовый бобыль“ — типическая и господствующая форма бобыльства [1]). Объ этомъ можно заключить не только на основаніи писцовыхъ книгъ и сотныхъ выписей, въ которыхъ обыкновенно перечисляются рядомъ съ крестьянскими и бобыльскіе дворы, но и на основаніи бобыльскихъ порядныхъ, гдѣ по большей части упоминается, что бобыль или поселяется въ готовый дворъ [2]); или обязуется поставить новый дворъ, дворецъ или хоромишко [3]); или же просто бьетъ челомъ въ бобыли въ такую-то деревню [4]), очевидно въ особый дворъ. Рѣже о мѣстѣ жительства или совсѣмъ не говорится [5]), или стоитъ неопредѣленное условіе: жить въ вотчинѣ или помѣстьѣ, гдѣ пове-

---

[1]) Русская Историческая Библіотека, II, 692 (1615): „дворовые новые бобылки“.

[2]) А. Ю., №№ 42 и 133; Акты о тягломъ населеніи вып. I, №№ 23, 30, 33.

[3]) *Москвитянинъ*, 1846 г., № 1, запись 3; А. Ю. Б., III, № 335; А. Ю., № 201; Акты о тягломъ населеніи, вып. 1, №№ 7, 19.

[4]) А. Ю., №№ 193, 290, XI; *Журналъ Землевладѣльца*, 1858, т. I, записи 3 и 4; Акты о тягломъ населенія, вып. 1, №№ 6. 16, 18.

[5]) А. Ю., №№ 290, XII и XIII, 203, II; Русская Историческая Библіотека, V. №№ 108 и 110; Акты о тягломъ населеніи, вып. 1, №№ 36, 38, 45, 65.

литъ или пожалуетъ землевладѣлецъ [1]). Только въ двухъ изъ изданныхъ порядныхъ указано прямо, что въ одномъ случаѣ бобыль идетъ жить у помѣщика во дворѣ, въ его усадищѣ, а въ другомъ — въ домъ къ крестьянину, такъ какъ женится на его дочери и обязуется жить у тестя своего въ одной семьѣ восемь лѣтъ [2]).

За пользованіе усадебнымъ мѣстомъ съ надворными постройками, а иногда еще и огородомъ, бобыли уплачивали особый сборъ, называемый иногда поземомъ [3]), обыкновенно-же оброкомъ съ двора [4]). Этотъ сборъ, колеблющійся въ размѣрахъ въ зависимости отъ мѣста и времени, поступалъ въ пользу хозяина земли, будь это государство, монастырь, церковь или частный землевладѣлецъ. Нерѣдко можно встрѣтить указанія, что живущіе смежно бобыли платятъ оброкъ различнымъ учрежденіямъ и лицамъ. Напримѣръ: по писцовымъ книгамъ Слободскаго уѣзда 137 года въ Холуницкомъ погостѣ, при церкви Ильи Пророка значится 18 бобыльскихъ дворовъ; „а оброкъ тѣ всѣ церковные бобыли платятъ къ церквѣ Ильѣ Пророку на всякое церковное строеніе. На погостѣ-жъ у Ильи Пророка живутъ на государевѣ землѣ, а не на церковной, бобыли непашенные, оброкъ платятъ въ государеву казну“ [5]). Въ гор. Курмышѣ по писцовымъ книгамъ 131—134 годовъ оказалось въ Казачьей и Стрѣлецкой слободкахъ 11 бобыльскихъ дворовъ, „оброку царева не платятъ“, почему писцы приписали ихъ къ посадскимъ людямъ въ тягло и подъ дворы отвели имъ землю. Затѣмъ на посадѣ за Троицкимъ женскимъ монастыремъ

---

[1]) Русская Историческая Библіотека, V, № 66; Акты о тягломъ населеніи, вып. 1, №№ 27, 34, 35, 46. При такихъ неопредѣленныхъ условіяхъ вопросъ о мѣстѣ жительства долженъ быть разрѣшенъ особо путемъ новаго соглашенія или челобитья. Напримѣръ: „139 года октября въ 20-й день Суздальскаго уѣзду деревни Родниковъ старостѣ Петру Ларіонову. По сей челобитной бобылю Данилку Ларіонову дать подъ дворъ и подъ огородъ поземы мѣста, гдѣ бъ ему мочно дворъ устроить. Да емужъ Данилку дать лготы на годъ, а послѣ лготнаго году давать ему въ монастырь оброкъ на годъ, почему укажутъ давать“. Румянцевскій музей, Акты Гарелина п. Г, л. 8.

[2]) Акты о тягломъ населеніи, вып. 1, №№ 37 и 41.

[3]) Новгородскія писцовыи книги, т. IV, 288, 293, 461.

[4]) См. выше стр. 9, пр. 1 и 3, 10, пр. 1 и 3, стр. 28, пр. 2 и 29, пр. 1.

[5]) Копіи съ Вятскихъ писцовыхъ книгъ, принадлежащія А. А. Спицыну Тамъ-же: въ Котельническомъ уѣздѣ погостъ на Юрьевѣ надъ р. Маламою; на погостѣ 35 дворовъ бобыльскихъ церковныхъ, „а даютъ они въ церковную казну на церковное строеніе съ двора по двѣ гривны. Да на погостѣ жъ дворы бобыльскіе оброчные, а платятъ они въ государеву казну оброка съ дворовъ по 8 алтынъ по 2 денги съ двора“.

записано 12 дворовъ бобыльскихъ „а живутъ на монастырской землѣ, а оброкъ платятъ тѣ бобыли въ монастырь. Да на поповъ жеребей бобыльскихъ 8 дворовъ, а оброкъ платятъ тѣ бобыли попу“ [1]). По писцовой Олонецкой книгѣ 136—137 годовъ на погостахъ упоминаются бобыльскіе дворы; о нѣкоторыхъ бобыляхъ сказано, что они „ловятъ рыбу и продаютъ и иными мелкими товары торгуютъ; а оброкъ они платили въ міръ, помагая мірскими оклады, а не въ государеву казну... А нынѣ на тѣхъ бобылей по государеву указу положенъ денежный оброкъ“ [2]).

Кромѣ указаннаго значенія бобыльскаго оброка, какъ платы за дворъ и усадебное мѣсто, онъ могъ имѣть и иное происхожденіе и значеніе. Поряжавшіеся бобыли вѣроятно уже съ ранняго времени принимали на себя обязательства „дѣлать всякія издѣлья“ на землевладѣльца. О такихъ повинностяхъ упоминаютъ, по крайней мѣрѣ, почти всѣ бобыльскія порядныя. Въ отдѣльныхъ случаяхъ издѣльная повинность могла перелагаться на деньги, и такого рода денежные сборы тоже назывались оброкомъ. Затѣмъ бобыли могли пользоваться и нѣкоторыми хозяйственными угодьями, напримѣръ, сѣнными покосами, за пользованіе которыми платили также оброкъ. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить и тѣ случаи, когда бобыли платили оброкъ въ государеву казну, хотя жили на монастырской или церковной землѣ. Въ этихъ случаяхъ въ пользу землевладѣльцевъ бобыли дѣлали всякое „издѣлье“ [3]). Эти различные виды оброка соединялись, конечно, въ общую сумму, чѣмъ и слѣдуетъ объяснять колебанія въ размѣрахъ оброка.

На основаніи порядныхъ можно заключить, что финансовыя отношенія бобылей къ землевладѣльцамъ представляли довольно пеструю картину. Вся совокупность платежей и повинностей въ пользу землевладѣльца называлась *бобыльщиной*, податьми, доходами и даже тягломъ [4]). Иногда же бобыльщиной назывался спеціально бобыльской

---

[1]) *Симбирскія Губернскія Вѣдомости*, 1851 года, № 6.

[2]) *Олонецкія Губернскія Вѣдомости*, 1849 г., №№ 2 и 4.

[3]) См. выше, стр. 29, прим. 1.

[4]) *Журналъ Землевладѣльца*, 1858 г., т. I, запись 4 (1647 г.): „А бобыльщины мнѣ платить на всякой годъ по 10 алтынъ за здѣлье и за всякой доходъ... А окромѣ бобыльщины, что з году на годъ платить по 10 алтынъ, никакова здѣлья не дѣлати и податей никакихъ не платити“. А. Ю. Б., III, № 335 (1635): „А въ тѣ лготные годы бобылшины никакихъ податей не тянути, ни сдѣлья не дѣлати“. А. Ю., № 290 XII (1647): „А тягло ему Михаилу платить въ монастырскую казну по окладу, почему его архимаритъ Германъ съ братіею тягломъ обложатъ“.

оброкъ въ отличіе отъ „сдѣлья“; въ другихъ же случаяхъ, наоборотъ, оброкъ стоитъ рядомъ съ бобыльщиной, подъ которой слѣдуетъ разумѣть издѣльныя повинности [1]). Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ порядныя упоминаютъ „оброкъ за бобыльщину“ [2]).

Обыкновенно въ порядныхъ стоитъ обязательство платить оброкъ и сдѣлья дѣлать безъ опредѣленія нормы перваго и вторыхъ, причемъ землевладѣльцу предоставляется право установить эти нормы соотвѣтственно размѣрамъ оброка и сдѣлья другихъ бобылей. Это выражается въ порядныхъ такъ: „оброкъ платить, чѣмъ обложатъ“ или „что положатъ“; „сдѣлье дѣлати съ бобыли вмѣстѣ“. Въ нѣсколькихъ порядныхъ не содержится никакихъ опредѣленій о податныхъ отношеніяхъ порядчика къ землевладѣльцу [3]). Нужно думать, что и въ этихъ случаяхъ размѣръ оброка и повинностей зависѣлъ отъ усмотрѣнія землевладѣльца.

Рѣже встрѣчаемся въ порядныхъ съ условіемъ платить одинъ оброкъ и не дѣлать сдѣлья. Въ такихъ случаяхъ размѣръ оброка опредѣленъ въ цифрахъ; напримѣръ, „послѣ льготныхъ лѣтъ мнѣ съ своего бобыльскаго участка оброкъ платити денегъ по рублю на всякъ годъ, а дѣла его помѣщицкаго никакова не дѣлати опричь того, что оброкъ ему платити“ [4]).

Еще рѣже попадаются условія дѣлать лишь сдѣлья и не платить оброка. Любопытный примѣръ такого рода представляетъ порядная въ бобыли портнаго мастера, который обязался „за оброкъ съ

---

[1]) *Журналъ Землевладѣльца*, 1858, т. I, запись 3 (1647): „А бобыльщины мнѣ платить съ иными бобыли вмѣстѣ, чѣмъ меня оброкомъ архимаритъ пожалуетъ... И какъ учнутъ бобыли монастырское здѣлье дѣлати, и мнѣ съ сусѣди своими зъ бобыли монастырское дѣло дѣлать вмѣстѣ“. А. Ю., № (1671): „А оброку имъ платить въ монастырскую казну съ того двора и съ огороднаго сдѣлья на всякой годъ по полтора рубля; да имъ же платить въ монастырь бобыльщинѣ на годъ по полуполтинѣ съ человѣка“.

[2]) Архивъ Министерства Юстиціи, Вотчинной конторы по городу Пскову книга № 84/1626, № 54 (1640): „А оброку мнѣ за бобыльщину и дворовое и за огородъ и за сѣнокосъ платити въ церковную казну на годъ по 30 алтынъ... а окромѣ того оброку мнѣ никакихъ податей и тягла со крестьяны не платить“. Любопытное указаніе на составныя части бобыльскаго оброка.

[3]) Акты о тягломъ населеніи, вып. 1, №№ 12, 23, 30, 37, 41, 46.

[4]) Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, книга по Новгороду № 35, 7155 г., № 15; ср. еще: Русская Историческая Библіотека, V, № 66; А. Ю., №№ 201 и 290 XIII; *Журналъ землевладѣльца*, 1858 г., т. I, запись 4; Акты о тягломъ населеніи, вып. 1, № 33; Архивъ Министерства Юстиціи, книга Вотчинной конторы по городу Пскову, № 83/1625, №№ 62 и 63.

своего бобыльства своего рукодѣлья портнаго мастерства шити на государя своего на всякъ годъ съ Покрова Богородицы 4 недѣли въ году“ [1]).

Было бы, конечно, не безъинтересно ознакомиться съ характеромъ и размѣромъ издѣльныхъ повинностей бобылей. Но порядныя даютъ очень мало для выясненія этого вопроса. Въ нихъ говорится обыкновенно о „всякомъ здѣльи“; въ частности упоминается о бобыльской страдѣ. Подъ послѣдней слѣдуетъ разумѣть лѣтніе полевыя работы на зелевладѣльца, о чемъ имѣются и прямыя указанія въ бобыльскихъ порядныхъ [2]). Но страда на помѣщика обычная издѣльная повинность крестьянъ. Отличается ли въ такихъ случаяхъ бобыльское сдѣлье отъ крестьянскаго и чѣмъ именно? Подробныхъ указаній на это различіе не имѣется, но нѣкоторые намеки сохранились. Въ одной порядной 1648 года стоитъ слѣдующее обязательство: „а послѣ льготныхъ лѣтъ, живучи въ бобылѣхъ, всякое здѣлье дѣлати на него (государя своего) въ недѣли по дни *пѣшому*“ [3]). Еще въ 1500 году псковскіе бобыли выступаютъ въ походъ пѣшими людьми, не имѣя средствъ принять участіе въ составѣ конной рати. Та же черта быта наблюдается у бобылей и въ половинѣ XVII вѣка: въ ихъ средѣ существуетъ значительный если не преобладающій элементъ безлошадныхъ домохозяевъ.

Еще болѣе осложняются податныя отношенія бобылей къ землевладѣльцамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда бобыли принимаютъ обязательство по уплатѣ государственнаго тягла. Съ такимъ условіемъ встрѣчаемся обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда бобыль поряжается на пашню. Но иногда то же условіе попадается и въ порядныхъ въ оброч-

---

[1]) Акты о тягломъ населеніи, вып. 1, № 45; ср. еще: А. Ю., № 193 (1624): всякое сдѣлье дѣлати и страда бобыльская страдати съ бобыли вмѣстѣ, что игуменъ съ братіею прикажутъ; тамъ же, № 201 (1661): платить за монастырскую страду оброку въ годъ по рублю; „а учнутъ изъ монастыря приносить кузло, и мнѣ на монастырь ковать всякое кузло, а имъ за кузло въ оброчные деньги въ тотъ годовой рубль заворачивать“.

[2]) Архивъ Министерства Юстиціи, книга Вотчинной Конторы по городу Пскову, $\frac{83}{1625}$, № 88 (1647): „и съ иными ево бобыли пашня на нево пахати“; Акты о тягломъ населеніи, вып. 1, № 51 (1649): „зъ бобылства оброку за пашенное и за всякое ево дѣло“.

[3]) Архивъ Иностранныхъ Дѣлъ, книга по Новгороду, № 35, 7156 года, № 27; ср. выше стр. 18, прим. 2, гдѣ указано распоряженіе о выдачѣ бобылю на пашню сѣмянъ и „запахать велѣть крестьяны, потому что тодерво у нево Петрушки лошади нѣтъ“.

ные или городовые бобылки [1]). Послѣ указовъ о живущей четверти участіе бобылей въ отбываніи государственнаго тягла было вполнѣ законномѣрнымъ. Но въ бобыльскихъ порядныхъ болѣе ранняго времени также встрѣчается подобное обязательство [2]). Весьма естественно, что землевладѣльцы стремились обезпечить свою податную отвѣтственность, перенеся часть тягловаго бремени съ крестьянъ на нетяглыхъ бобылей, подобно тому, какъ они поступали съ пашенными холопами въ теченіе XVII вѣка. Такая практика послѣ указовъ 1630—1631 годовъ получила законодательную санкцію, и можно думать, что землевладѣльцы стали привлекать бобылей къ отбыванію тягла и въ тѣхъ случаяхъ, когда такое обязательство не было выговорено въ порядныхъ. Дѣйствительно, бо́льшая половина порядныхъ вопросъ о государственныхъ податяхъ обходитъ полнымъ молчаніемъ. На ряду съ этимъ въ немногихъ порядныхъ выговаривается порядчикомъ право никакихъ государственныхъ податей сверхъ условленнаго оброка не платить [3]). Послѣднее условіе и наводитъ на мысль, что одно умолчаніе о государственномъ тяглѣ еще не гарантировало порядчика отъ участія въ платежѣ государственныхъ сборовъ.

Бобыльское тягло, однако, отличается отъ крестьянскаго. Это видно изъ того, что бобыли обязывались „государевы всякіе подати съ бобыли по раскладу платити вмѣстѣ“, или: „подати съ бобыли поровну бобыльскіе что доведетца платити вмѣстѣ“ [4]). Но чѣмъ отличалось бобыльское тягло отъ крестьянскаго и соотвѣтствовало ли это различіе постановленію указовъ о живущей четверти,—этого изъ порядныхъ не видно [5]).

---

[1]) Акты о тягломъ населеніи, вып. 1, № 35 (1645 г.); А. Ю., №№ 42 и 290 XIII; Архивъ Министерства Юстиціи, Вотчинной Конторы по городу Пскову книга № 38/1625, №№ 35, 36, 41, 44, 47, 56, 60 и др.

[2]) Акты о тягломъ населеніи, вып. 1, № 18 (1629); Вотчинной Конторы по городу Пскову книга № 80/1622, № 19 (1629) и № 30 (1630 ноября 15-го).

[3]) Архивъ Министерства Юстиціи, книга Вотчинной Конторы по городу Пскову №84/1626, № 42 (1639): „а тягла мнѣ съ тое деревни своей бобылщины никаковы, государевыхъ податей не платяти зъ бобылщины“; тамъ же, № 54 (1640): „а окромѣ того оброку мнѣ Ивану никакихъ податей и тягла со крестьяны не платить“. Ср. еще: А. Ю., № 133.

[4]) Архивъ Министерства Юстиціи, книга Вотчинной Конторы по городу Пскову № 81/1626, №№ 66 и 96; *Москвитянинъ*, 1846, № 1, запись 3: „Государевы подати и монастырскіе всякіе доходы и издѣлья всякія монастырскія дѣлати съ своею братьею бобылями врядъ“.

[5]) См. впрочемъ наказъ слугѣ Иверскаго монастыря, А. Ю., № 334, III: „класть въ выть по десяти дворовъ крестьянскихъ, а бобыльскихъ вдвое“.

Но при несомнѣнномъ фактическомъ различіи между крестьянами и бобылями не только въ XVI, но и въ XVII вѣкѣ, наблюдаются и нѣкоторыя черты сходства, постепенно сближающія эти двѣ группы между собой въ юридическомъ отношеніи. Прежде всего начала крестьянской крѣпости одновременно и въ равной силѣ распространяются и на бобылей. Съ этой стороны никакихъ юридическихъ особенностей въ положеніи бобыльства подмѣтить не удается. Затѣмъ указы о живущей четверти сближаютъ крестьянъ и бобылей и въ тягломъ отношеніи. Все это значительно облегчало переходъ по собственной иниціативѣ или переводъ по усмотрѣнію землевладѣльцевъ крестьянъ въ бобыли и бобылей въ крестьяне безъ замѣтнаго ущерба для государства и безъ существенныхъ невыгодъ для землевладѣльцевъ. Этими условіями, надо думать, вызвано и появленіе особаго рода порядныхъ въ бобыли или въ крестьяне по усмотрѣнію землевладѣльца [1]). Окончательное же уравненіе крестьянъ и бобылей въ размѣрахъ тяглаго оклада произошло вслѣдствіе указовъ 1649 и 1679 годовъ о введеніи подворной подати. Въ силу этихъ указовъ бобыльской дворъ въ окладномъ отношеніи вполнѣ приравненъ крестьянскому.

9-го января 1896 года.
Юрьевъ (Дерптъ).

---

[1]) Акты о тягломъ населеніи, вып. 1, № 12: „жити въ печерской вотчины, гдѣ мнѣ архимаритъ поволитъ, во крестьянехъ и въ бобылѣхъ“; тамъ же, № 34: „гдѣ намъ великій святитель повелитъ жити въ Троецкой вотчинѣ въ бобылѣхъ или во крестьянѣхъ“; ср. еще: Архивъ Министерства Юстиціи, книга по городу Пскову, № 83/1625, № 70 (1647) и № 130 (1648). См. еще Акты о тягломъ населеніи, вып. 1, № 51: порядная въ бобыли, а потомъ во крестьяне.

1-00

56m
353